
S 44/974

2007042001

ЛИТОВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ

ІОСИФЪ СѢМАШКО

И ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ВОЗСОЕДИНЕНІЮ УНІАТОВЪ.

Н. Кедрова.

МОСКВА.

1887.

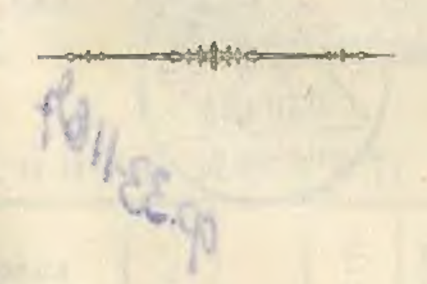
ЛИТОВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ

ІОСИФЪ СѢМАШКО

И ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ВОЗСОЕДИНЕНІЮ УНІАТОВЪ.

Н. Кедрова.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

Изъ № 11 Православнаго Обозрѣнія за 1887 г.

ЛИТОВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ ІОСИФЪ СѢМАШКО

И ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ВОЗСОЕДИНЕНІЮ УНІАТОВЪ.

«По человѣческой природѣ дѣйствія необыкновеннаго моего поприща должны были подвергаться превратнымъ сужденіямъ отъ незнанія и отъ пристрастнаго недоброжелательства партій. По той же природѣ естественно и мнѣ желать, чтобы память моя осталась чистою предъ человѣки. Я вполнѣ увѣренъ, что мнѣ отдадутъ полную справедливость»... Митр. І. Сѣмашка.

Внѣ всякаго сомнѣнія личность литовскаго митрополита Іосифа Сѣмашки, несшаго болѣе „тридцати лѣтъ" по его собственнымъ словамъ „самое трудное служеніе церкви, пройденное по тернистому пути, среди партій, непріязненныхъ доброму дѣлу, свершенному ко благу Россіи и церкви православной, должна занимать одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ церковной исторіи нашего западнаго края. Время, въ которое жилъ и дѣйствовалъ маститый іерархъ литовскій, такъ близко къ нашему, что теперь трудно дать пока полную и безпристрастную оцѣнку широкой и плодотворной дѣятельности митрополита Іосифа на поприщѣ православія. И въ настоящее время едва ли утратили свой буквальный смыслъ тѣ слова, съ которыми обращался маститый іерархъ литовскій въ періодъ своей дѣятельности при жизни къ московскому митрополиту Филарету: „еще не время" писалъ Іосифъ въ 1844 г., къ митрополиту Филарету,

чтобы ходъ и обстоятельства благополучно совершившагося возсоединенія къ православной церкви бывшихъ въ Имперіи уніатовъ могли быть вполнѣ раскрыты: и я не могу ожидать, чтобы оцѣнено было по всей справедливости участіе мое въ совершеніи сего дѣла. Думаю однакожъ, что участіе это нестоль безъизвѣстно, чтобы я не могъ на него указать и призвать Бога въ свидѣтели чистоты моихъ намѣреній и побужденій. Въ порывѣ пламенной ревности я считалъ себя какъ бы призваннымъ свыше для совершенія этого дѣла; и если иногда мечталъ о земной наградѣ — то оно представлялось мнѣ лишь въ мирномъ уединеніи, защищенномъ высшею властію отъ предстоявшихъ мнѣ непріятностей (ч. III, 157 стр.) Изданные академіею наукъ по завѣщанію покойнаго митрополита на оставленныя имъ для этой цѣли средства три обширные тома его собственноручныхъ записокъ представляютъ изъ себя весьма богатый и разнообразный историческій матеріалъ для характеристики, какъ времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ митрополитъ Іосифъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ во главѣ съ самимъ митрополитомъ, послужившихъ высокому дѣлу возсоединенія уніатовъ съ православной церковію въ первой половинѣ текущаго столѣтія.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду представить очеркъ дѣятельности самого митрополита Іосифа. Но прежде этого считаемъ небезполезнымъ для наиболѣе точнаго выясненія образа дѣятельности маститаго іерарха отмѣтить нѣкоторыя біографическія черты изъ его жизни и дать краткую характеристику его личности.

I.

На пространствѣ цѣлой половины перваго тома записокъ митрополитъ Іосифъ излагаетъ подробную, весьма живую и исполненную поучительнаго интереса свою автобіографію, начиная ее съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего дѣтства. Отсюда мы узнаемъ, что родиной митрополита Іосифа была деревня Павловка, Кіевской губерніи, Липовецкаго уѣзда. Онъ родился въ 1798 г., въ самый день Рождества Христова, когда благовѣстили къ заутрени". Впослѣдствіи, когда уже уніаты были присоединены къ православію, отецъ митрополита, узнавши, что

все это совершилось по инціативѣ его сына, воскликнулъ: „видно не даромъ родился онъ въ тотъ же день, что Іисусъ Христосъ... должна быть правда на его сторонѣ", и самъ покорился православной церкви. Въ Павловкѣ, на мѣстѣ родины митрополита, сперва дѣдъ его Тимоѳей Сѣмашко, а потомъ съ 1811 г. отецъ, Іосифъ же, преемственно проходили должность приходскихъ священниковъ при мѣстной уніатской церкви. Оба эти священники далеко не раздѣляли тогдашнихъ воззрѣній своихъ собратовъ относительно православной церкви. О своемъ отцѣ митрополитъ прямо заявляетъ, что онъ „чуждъ былъ предубѣжденій противъ православія", даже иногда посѣщалъ мѣстную православную церковь; сына же своего (т.-е. Іосифа) до двѣнадцатилѣтняго возраста *всегда* посылалъ къ службамъ въ православную церковь, и непремѣнно требовалъ по возвращеніи его изъ храма передать содержаніе читаннаго Евангелія и апостола. Естественно, что эти первыя впечатлѣнія дѣтства глубоко запали въ душу и безъ того впечатлительнаго мальчика и сроднили его „и сердцемъ и душею" съ православною церковію, такъ что впослѣдствіи, когда стали его возить въ латинскій костелъ (по недостатку въ той странѣ уніатскихъ церквей), ему все казалось въ немъ страннымъ, и самое богослуженіе здѣсь походило скорѣе поего словамъ на „комедію, нежели на молитву". Подъ вліяніемъ тѣхъ же впечатлѣній дѣтства въ будущемъ іерархѣ православной церкви — воспиталась любовь и приверженность къ Россіи и всему русскому. Первые годы жизни его, проведенные среди народа, въ продолженіе двухъ вѣковъ кровавою борьбою защищавшаго свою вѣру и народность, страшные разсказы этого народа о своихъ притѣснителяхъ — легли тяжелымъ бременемъ на душу ребенка, вселили въ него глубокое отвращеніе ко всему польскому и возбудили наоборотъ сочувствіе къ Россіи. Видъ стройныхъ русскихъ войскъ, нерѣдко проходившихъ въ то время чрезъ Малороссію, ласки офицеровъ, разсказы служивыхъ и ихъ пѣсни—заставляли сильно биться сердце мальчика Іосифа и внушали ему высокое понятіе о Россіи. Съ высокою похвалою отзывается онъ о своихъ родителяхъ. „Мы (дѣти), говоритъ онъ, никогда не видѣли въ нихъ ничего предосудительнаго: благочестіе, честность, благонравіе—всегда представлялись глазамъ нашимъ. Отецъ берегъ насъ съ крайнимъ стараніемъ отъ внѣш-

нихъ дурныхъ впечатлѣній и примѣровъ". Несмотря на скудость матеріальныхъ средствъ родителей, „тянувшихся для своихъ дѣтей изъ послѣдняго, работавшихъ вмѣсто работника и работницы" въ домъ былъ приглашенъ для обученія дѣтей учитель „добрый старикъ — Бочковскій, православнаго духовнаго званія". Подъ руководствомъ этого педагога и родителя, иногда удѣлявшаго отъ хозяйственныхъ занятій время и для сына, Іосифъ такъ хорошо былъ подготовленъ дома, что когда опредѣлили его въ 1-й классъ Немеровскихъ училищъ, учителя послѣднихъ нерѣдко призывали его во 2-й классъ „высшій", дабы удовлетворительными отвѣтами его *пристыдить* учениковъ этого послѣдняго класса.

У родителя Іосифа была небольшая собственная библіотека по преимуществу историческаго содержанія. Въ свободное отъ занятій время мальчикъ очень любилъ читать, и къ 10-ти годамъ онъ уже зналъ „почти наизусть" римскую исторію въ двухъ томахъ, и англійскую въ трехъ, а Священное Писаніе, особенно историческую часть онаго „нечего грѣха таить, въ десять лѣтъ, говоритъ онъ я зналъ лучше, нежели нынѣ", т.-е. когда былъ уже митрополитомъ.

Въ сентябрѣ 1809 г. Іосифа отвезли въ Немеровскія гимназіальныя училища. Низкій уровень учебнаго дѣла въ школахъ того времени былъ всецѣло присущъ и этимъ училищамъ, и къ познаніямъ будущаго іерарха православной церкви, которыя вынесъ онъ изъ родительскаго дома, едва ли что прибавилось въ этой школѣ. Какъ только учителя замѣтили способнаго и хорошо подготовленнаго мальчика, то одинъ назначаетъ уже его auditor-омъ auditorum, другой же бывало скажетъ: „слушай Сѣмашко" и самъ отправляется въ сѣни, гдѣ все время урока проводитъ въ шумномъ разговорѣ съ другими учителями; къ концу же урока является въ классъ и говоритъ, чтобы къ будущему уроку приготовили „съ этого мѣста—по это". Такъ дѣлалось даже по такимъ предметамъ, какъ по географіи и ариѳметикѣ. „Я выручалъ, какъ могъ, пишетъ митрополитъ, моего учителя въ ариѳметикѣ, а въ географіи, если вспомню частыя его грубыя ошибки, подумаю иногда: прости Господи, что я зналъ въ ней больше толку, нежели онъ"! Но не смотря на хорошія познанія мальчика, существенно помогавшаго своимъ

учителямъ, эти послѣдніе мало отличали его, сажали на заднюю скамью и грубо обращались съ нимъ. Причиною этого было то, что кто былъ побогаче изъ учениковъ, тотъ пристраивался на хлѣба къ кому-либо изъ учителей. Эти то „конвиктуры“ всегда и пользовались у учителей особеннымъ отличіемъ и снисхожденіемъ. Само собою разумѣется, какъ сильно должно было возмущаться дѣтское сердце хорошихъ учениковъ этимъ неправеднымъ предпочтеніемъ. Но вотъ на 5 или 6-й годъ пребыванія Іосифа въ Немировѣ пришло предписаніе изъ Виленскаго университета, чтобы „ученики сидѣли на скамьяхъ по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію“. Чтоже вышло? 6 — уніатскихъ поповичей сѣли на 1-ю скамью, Іосифъ Сѣмашко занялъ 1-е мѣсто въ классѣ, а богатенькіе польскіе баричи подвинулись далеко на задніа! Въ іюнѣ 1816 г. Іосифъ окончилъ курсъ наукъ въ Немировѣ первымъ ученикомъ и получилъ отличный аттестатъ. До самаго окончанія курса въ Немировѣ отецъ Іосифа не думалъ относительно будущности своего сына. Одинъ дальній родственникъ присовѣтовалъ ему отдать юношу въ главную семинарію при Виленскомъ университетѣ. Такъ и было сдѣлано. Въ августѣ 1816 г. Іосифъ поступилъ въ семинарію, гдѣ и проучился четыре года. Начальство и профессора семинаріи учили и обходились съ воспитанниками гораздо лучше, чѣмъ въ Немировѣ, „Но кажется, говоритъ Сѣмашко, подобныя отношенія ихъ къ греко-уніатскимъ воспитанникамъ были разсчитанныя на то, чтобы привязать сердца ихъ къ римской церкви“. Съ этою цѣлію профессора громили съ своихъ каѳедръ богатыхъ папскихъ прелатовъ, ратовали противъ разныхъ злоупотребленій папской власти и разсказывали про нее то, что никогда ни въ одной православной академіи не услышаютъ воспитанники отъ своихъ преподавателей!

Но всѣ эти картины папства по словамъ митрополита заставили его еще болѣе сторониться отъ римской церкви. Что же касается до полонизма, то онъ былъ не особенно ощутителенъ для главной Виленской семинаріи, но тѣмъ не менѣе въ этой послѣдней запрещалось воспитанникамъ читать *русскія* книги. „Однажды, разсказываетъ митрополитъ, я съ товарищемъ своимъ Антоніемъ Зубко досталъ номерокъ стариннаго русскаго журнала „Улей“ и сталъ читать его вдвоемъ до прихода въ

классъ профессора. Вдругъ *свѣтскіе ученики* университета увидали это и начали кричать: Развѣ такіе намъ нужны священники!... которые забываютъ мать Польшу... которые сочувствуютъ Россіи... И наши чтецы должны были поскорѣе припрятать свой журналецъ! Наконецъ въ 1820 г., будущій дѣятель православія доблестно окончилъ курсъ наукъ со степенью магистра богословія. Теперь наступила совершенно новая жизнь для Іосифа; онъ долженъ былъ избрать себѣ какое-либо поприще. Ближайшее къ этому было конечно—поступить по примѣру своихъ родичей въ духовное званіе греко-уніатской церкви. Поэтому изъ Вильны Іосифъ явился къ своему преосвященному, луцкому епископу Іакову Мартусевичу. Послѣдній, какъ только увидѣлъ 21-лѣтняго магистра, сталъ склонять его къ рукоположенію во священство *неженатымъ* (это водилось часто между уніатами по подражанію римлянамъ), хотя Іосифъ вовсе и не настаивалъ на женитьбѣ; какъ только Іаковъ узналъ его мысли относительно этого предмета, то ни мало не медля рукоположилъ его въ иподіакона, а вскорѣ во діакона, чтобы этимъ пресѣчь всякое поползновеніе его къ женитьбѣ; въ томъ же году епископъ опредѣлилъ Іосифа засѣдателемъ Луцкой консисторіи и сверхъ того сдѣлалъ его еще наставникомъ приготовляемыхъ къ рукоположенію, въ каковыхъ должностяхъ Сѣмашко пробылъ два года. Занятія по консисторіи были полезны для Іосифа въ томъ отношеніи, что еще ближе познакомили его съ уніатскою церковію, ея бѣдственнымъ положеніемъ между православною и римско-католической церковію. Первая естественно нападала на уніатовъ, какъ на своихъ отщепенцевъ, враговъ, но послѣдняя оказывала дружбу и подъ видомъ этого обманывала ее всячески—и вотъ Іосифъ спрашивалъ себя: первые враги уніатовъ и не безъ повода, но за чтоже ихъ обижаютъ друзья?

Высшее управленіе римско-католическою и уніатскою церковію въ Россіи находилось тогда въ Петербургѣ въ особой коллегіи, раздѣленной на два департамента (по римско-католическимъ дѣламъ и уніатскимъ). Въ члены департаментовъ этихъ коллегіи избирались мѣстными преосвященными или капитулами отъ каждой епархіи по одному лицу срокомъ на 3 года. Въ 1822 г., вышелъ срокъ члену изъ Луцкой епархіи: луцкій епископъ Мартусевичъ избралъ на его мѣсто Іосифа Сѣмашко.

Еще по дорогѣ въ Петербургъ Іосифъ, проѣзжая Псковскою губерніею, былъ пораженъ многочисленностью и опрятнымъ видомъ православныхъ церквей этого края и здѣсь невольно вспомнилъ про свой литовскій край, который бѣдностію своихъ церквей представлялъ рѣзкій контрастъ церквамъ Великороссіи. Но каково же было удивленіе молодаго уніата по пріѣздѣ въ столицу, когда увидалъ онъ въ ней великолѣпные храмы, прекрасное въ нихъ богослуженіе, съ отличнымъ пѣніемъ, стеченіе и благоговѣйное стояніе многочисленнаго народа! И вотъ снова возродились въ душѣ Іосифа во всей своей силѣ впечатлѣнія дѣтства, когда онъ хаживалъ бывало неопустительно въ свой мѣстный православный храмъ. „Съ того времени, говоритъ онъ, я сердцемъ прилѣпился къ церкви православной; *я часто, весьма часто*, въ сюртукѣ, въ числѣ мірянъ посѣщалъ православныя церкви вмѣсто скудной [illegible], гдѣ отправлялось уніатское богослуженіе, и вмѣсто латинскаго костела, гдѣ музыка представляла мнѣ скорѣе театральное зрѣлище, нежели церковное богослуженіе“. Занявъ немаловажный постъ въ департаментѣ греко-уніатскихъ дѣлъ, Іосифъ Сѣмашко съ величайшею энергіею предался новому дѣлу. Предсѣдатель департамента митрополитъ Булгакъ и прочіе члены мало занимались дѣлами, первый по причинѣ старости, а послѣдніе — предпочитали занятіямъ желаніе съ удобствомъ воспользоваться столичною жизнію. Молодой членъ грекоуніат. департамента изъ луцкой епархіи сразу это замѣтилъ и всѣ дѣла по департаменту забралъ въ свои руки. Правота и честность, вложенныя въ него съ дѣтства благородными родителями—служили руководителями во всѣхъ рѣшеніяхъ департаментскихъ дѣлъ. Эти качества придавали Сѣмашкѣ необычайную смѣлость, въ силу которой онъ не уступалъ даже предъ весьма сановитыми личностями. Онъ не только проводилъ, но даже и отстаивалъ свои справедливыя „мнѣнія“, хотя бы они были наперекоръ всѣмъ членамъ и предсѣдателю департамента. Для примѣра мы укажемъ на одно такое дѣло, гдѣ Іосифъ Сѣмашко проявилъ себя, какъ истинный поборникъ правды и нелицепріятный судія. Не должно забывать еще, что все это онъ сдѣлалъ въ первые дни своей службы въ греко-уніатскомъ департаментѣ. На полоцкаго уніатскаго архіепископа Красовскаго послѣдовалъ въ департаментъ доносъ. Его обвиняли

въ нетрезвой жизни и какихъ-то будто-бы несправедливыхъ поступкахъ относительно нѣкоторыхъ духовныхъ, ему подвѣдомственныхъ. На самомъ же дѣлѣ Красовскій былъ невиненъ; это былъ умный, энергичный и вполнѣ самостоятельный человѣкъ, но за это-то судьи и были имъ недовольны. Митрополитъ Булгакъ имѣлъ съ нимъ еще какіе то личные счеты и кромѣ того желалъ воспользоваться богатою его Полоцкою епархіей. Другіе же епископы, члены суда, не любили его за то, что онъ былъ первый архіерей изъ бѣлаго уніатскаго духовенства, и что онъ сильно заботился о независимости своей церкви отъ римскаго порабощенія. Наконецъ Красовскаго почему-то сильно не взлюбилъ тогдашній министръ духовныхъ дѣлъ кн. Голицынъ. Въ виду всего этого архіепископа всячески старались подавить. Еще прежде суда его уволили отъ епархіи, свидѣтелей пригласили по указанію самого доносчика, хотя архіепископъ открыто заявилъ, что это его личные враги. Самыя же обвиненія были настолько неопредѣленны мелочны, „что я, пишетъ митрополитъ Іосифъ, не принялъ бы ихъ за рѣшительныя доказательства и въ отношеніи какого-либо причетника, а не архіерея“. Тѣмъ не менѣе всѣ судьи присудили Красовскаго къ окончательному отрѣшенію отъ епархіи. Сѣмашко съ этимъ не согласился, и несмотря на то, что его стращали гнѣвомъ министра, несмотря на то, что онъ подвергался немилости главнаго своего начальника митрополита Булгака, подалъ особое подробное мнѣніе, да еще одного изъ товарищей своихъ, членовъ экстреннаго суда, убѣдилъ присоединиться къ себѣ. Благодаря этому мнѣнію Красовскій былъ помилованъ и получилъ въ управленіе луцкую епархію. Когда узнали члены уніатскаго департамента твердость характера Сѣмашки, его неподкупный образъ дѣйствій, то стали во всемъ ему вѣрить. Даже римско-католическій департаментъ, прежде присылавшій, когда дѣла требовали совмѣстнаго рѣшенія обоихъ департаментовъ, бумаги въ уніатскую коллегію только „для подписи“, сталъ побаиваться молодаго уніатскаго дѣльца. Тамъ, гдѣ „пользы и права“ уніатской церкви были попираемы католиками, Сѣмашко смѣло возставалъ и *заставлялъ* измѣнять вредныя уніатамъ постановленія, поставленныя самонадѣянно въ римско-католическомъ департаментѣ. Столь полезная дѣятельность неутомимаго уніата не могла быть незамѣчена свыше, и вотъ въ

1829 г., именнымъ указомъ Его Императорскаго Величества Іосифъ Сѣмашко былъ назначенъ во епископа Бѣлорусской епархіи (викаріемъ), съ оставленіемъ присутствія его въ коллегіи, когда будетъ въ Петербургѣ; въ каковомъ санѣ (епископа) и пробылъ до 68 г., бывъ награжденъ въ теченіи этого времени званіемъ архіепископа (1839 г.), и митрополита (съ 1852 г.) Литовской епархіи. Нечего уже и говорить о томъ, какъ важно было это назначеніе Сѣмашки, Несмотря на его молодость (онъ имѣлъ въ это время всего лишь 31 годъ) правительство надѣялось, и не безъ основанія, что такой ревностный дѣлецъ принесетъ еще большую пользу; оно уже знало его правдивыя намѣренія, клонящіяся ко благу церкви[1]). И дѣйствительно, мощная натура Сѣмашки получила теперь широкій просторъ для дѣятельности. Прямота и открытый характеръ его проявились теперь съ еще большею силою. Лица, и выше и ниже его стоявшія по положенію, съ которыми приходилось Сѣмашкѣ такъ или иначе сталкиваться — ощущали исключительно ровность въ обращеніи и какое-то неустанное исканіе и требованіе во всемъ строгой справедливости. Его трудно было сбить съ намѣченнаго разъ пути, его лозунгъ—fiat ustitia—широко освѣщалъ ему всѣ человѣческія дѣянія, и добрыя и злыя. Благодаря этому принципу въ молодомъ епископѣ развилась необычайная зоркость и проницательность, которыя настолько были сильны, что Сѣмашко часто однимъ взглядомъ отгадывалъ и характеръ и расположеніе человѣка. Онъ самъ разсказываетъ про себя, что какъ однажды удивлялся ему архіепископъ рижскій Платонъ. Въ санѣ архимандрита въ Вильнѣ Платонъ представлялъ Сѣмашкѣ однажды своихъ иноковъ, которыхъ епископъ видѣлъ еще въ первый разъ, и чтоже? Сѣмашко опредѣлилъ ему вѣрно и характеръ и наклонности каждаго! Благодаря этимъ рѣдкимъ качествамъ Сѣмашко никогда не ошибался въ выборѣ нужныхъ себѣ людей; такъ что съ теченіемъ времени въ его епархіи собралось такое духовенство, имѣть которое пожелалъ бы любой архіерей въ своей епархіи.

Любопытно еще ближе взглянуть на этого великаго человѣка, на его отношенія къ подвѣдомственнымъ ему лицамъ, на его прекрасныя всесторонніе качества души и необыкновенный характеръ.

---

[1]) Изъ докладной записки, поданной на Высочайшее имя въ 1827 г.

При самомъ поступленіи во епископы Сѣмашко поставилъ себѣ задачею узнать все свое духовенство *по-одиночкѣ*. Задача столь же легкая, какъ еслибы какой-нибудь корпусный командиръ задумалъ узнать curriculum vitae каждаго изъ своихъ солдатъ! Однако Сѣмашко достигъ этого и даже въ необычайныхъ размѣрахъ. *Собственноручно* онъ сдѣлалъ извлеченіе изъ послужныхъ списковъ всего своего духовенства. Въ алфавитномъ порядкѣ о каждомъ изъ духовныхъ его епархіи значилось: имя, фамилія, лѣта отъ рожденія; мѣсто служенія, поведеніе, образованіе и особыя качества. Кромѣ того онъ составилъ такую же запись о всѣхъ церквахъ Литовской епархіи съ обозначеніемъ: названія церкви, числа прихожанъ и ихъ благосостоянія, количества и качества священнической земли и разстоянія сосѣднихъ церквей своего и другихъ исповѣданій. Наконецъ онъ сдѣлалъ такую же вѣдомость римско-католическимъ церквамъ всѣхъ епархій. Но епископъ не довольствовался этими мертвыми свѣдѣніями, онъ желалъ знать свое духовенство поближе, *лицомъ къ лицу*. Съ этою цѣлію Сѣмашко чуть не каждое лѣто ѣздилъ по своей епархіи, но такъ какъ обозрѣть ее въ какіе-нибудь два-три мѣсяца не было никакой возможности (въ нее входило до 5 губерній), то онъ чрезъ благочинныхъ назначалъ духовенству въ извѣстныхъ мѣстахъ сборные пункты, куда къ назначенному сроку оно должно было обязательно явиться. Прибывъ въ такое мѣсто, епископъ вступалъ въ разговоры съ духовенствомъ, бесѣдовалъ *съ каждымъ изъ нихъ*, узнавалъ его нужды, преподавалъ, и „не безъ успѣха“, нужныя внушенія и наставленія, провинившимся дѣлалъ мѣткіе строгіе выговоры, такъ что его и любили и боялись. „Однажды, говоритъ онъ, пріѣзжаю я въ Новгородокъ (Литовскій); здѣсь по моему распоряженію собралось болѣе 60 священниковъ, по лицамъ ихъ я замѣтилъ какой-то умыселъ. Благочинный подноситъ мнѣ просьбу отъ всего духовенства, я ее принимаю со словомъ: *прочитаю послѣ*. Между тѣмъ обращаюсь къ духовенству, что я прибылъ узнать, каково у нихъ служеніе, а прежде всего попробую, какъ они читаютъ. Даю псалтырь тому-другому, даю Евангеліе тому-другому — читаютъ плохо, изъ рукъ вонъ. Тутъ я всѣмъ высказалъ горькія истины, а наконецъ прибавилъ: не думаю, чтобъ поданная просьба заключала что умное, когда ее писали незнающіе

даже читать. Возвратившись на квартиру, я увидѣлъ, что догадка моя была справедлива: просьба была объ увольненіи отъ служебниковъ (славянской печати). Зову къ себѣ благочиннаго, даю ему строгій выговоръ и предваряю, что будетъ отрѣшенъ и пойдетъ въ монастырь, если чрезъ три дня не привезетъ мнѣ письменнаго отреченія шестидесяти подписавшихся на просьбѣ священниковъ. Въ назначенный срокъ привезена мнѣ отъ нихъ новая просьба, въ которой торжественно отрекаются отъ прежней, обвиняя въ умыслѣ и подстрекательствѣ шестерыхъ зачинщиковъ" (т. I, стр. 89). Вообще же въ обращеніи съ духовенствомъ Сѣмашко былъ мягокъ и снисходителенъ: это былъ поистинѣ милостивый отецъ для него. Во всю жизнь свою безъ строгаго разбора дѣла онъ не отрѣшилъ и причетника, а не только священника. Вотъ напр. доносятъ ему на одного іеромонаха „коего пьянство, буйство и вообще нестерпимое поведеніе"—представляютъ совершенную невозможность держать его долѣе въ монастырѣ. Само собою разумѣется, что всякій бы архіерей выключилъ его изъ монашества и все тутъ. Но не такъ поступаетъ нашъ архипастырь. Онъ велитъ пьяницу монаха перевести въ другой, болѣе закрытый монастырь, и предлагаетъ настоятелю онаго слѣдующимъ образомъ поступать съ нимъ: „какъ скоро окажется оный іеромонахъ въ пьяномъ видѣ, то долженъ быть подвергнутъ заключенію въ безопасной монастырской комнатѣ въ первый разъ на четыре, въ другой на шесть, въ третій на восемь дней и такъ далѣе, прибавляя всякій разъ по два дня, и въ теченіе таковаго заключенія первую половину онаго, чтобы содержимъ былъ всякій разъ на хлѣбѣ и водѣ, да сверхъ того доставляемы ему были какъ лѣкарственныя пособія, такъ и душеспасительныя наставленія, а въ особенности прекращена всякая сторонняя доставка крѣпкихъ напитковъ". Означенныя средства владыка совѣтуетъ прилагать къ пьяницѣ іеромонаху, въ теченіе 15 мѣсяцевъ и только тогда уже, если онъ не исправится, предлагаетъ поступить по закону (III т., 3· стр.). Или вотъ доносятъ ему на одного протоіерея многолюднѣйшаго прихода, который (протоіерей) также сильно пьянствуетъ, даже требы совершаетъ въ нетрезвомъ видѣ. Изъ архипастырскаго отношенія видно, что этому протоіерею были дѣлаемы неоднократно внушенія и наставленія. Вла-

дыка и опять дѣлаетъ ему внушеніе, убѣдительнѣйше проситъ исправиться. „Если же, говоритъ онъ, *вы* не чувствуете себя въ силахъ къ этому спасительному обновленію, то *я вамъ совѣтую* проситься безотлагательно въ монастырь или же на другой приходъ, не столь видный“ (т. III, стр. 1075—76). Къ пьяницѣ, не стоющему быть-можетъ по взгляду всякаго другаго администратора, вниманія—какое деликатное и какое нѣжно-отеческое отношеніе! Да, Сѣмашко любилъ свое духовенство, входилъ всегда въ жизнь его, наставлялъ разумно, словомъ убѣжденія, а не мѣрами внѣшняго насилія. Съ своей стороны и духовенство внимало его наставленіямъ, и въ силу ихъ бросало привычки, даже рѣдко искоренимыя. Вотъ тому примѣръ. Доносится до Сѣмашки, слухъ, что среди его духовенства очень распространено куреніе табаку. Какъ искоренить эту привычку? Владыка дѣлаетъ кроткое воззваніе. Онъ руководится здѣсь не фанатическимъ предубѣжденіемъ, а имѣетъ въ виду исключительно благосостояніе духовенства. „По самому меньшему исчисленію, говоритъ онъ, на табакъ должно выходить въ годъ не менѣе тридцати рублей, а это четвертая часть священническаго жалованья, и на эти деньги можетъ онъ улучшить для своей семьи пищу и одежду, обыкновенно бѣдныя“ (т. I, 231; т. II, 590). Съ этою цѣлію владыка предложилъ консисторіи: а) отъ каждаго представляемаго къ рукоположенію во діаконы или священники брать подписки, что они не будутъ курить табаку ни въ какомъ видѣ; б) чрезъ благочинныхъ и настоятелей монастырей внушить всему бѣлому и монашествующему духовенству, чтобы курильщики табаку—оставили это по уваженію къ выше прописанному, отъ изъявившихъ же на это желаніе взять письменныя подписки; с) сообщить въ правленіе семинаріи, чтобы оно предприняло мѣры къ искорененію табакокуренія среди воспитанниковъ (т. II, стр. 590—91). Духовенство вняло этому архипастырскому увѣщанію и чрезъ благочинныхъ дало подписку бросить курить табакъ; только десять священниковъ объявили желаніе продолжать куреніе табаку. Владыка письменно поблагодарилъ духовенство „за столь всеобщую добрую рѣшимость отказаться отъ табакокуренія“, относительно же десяти отщепенцевъ распорядился такъ: правленія духовныхъ училищъ и семинаріи не должны были принимать дѣтей ихъ на казну, такъ какъ лица, имѣющія средства на пріобрѣ-

теніе табаку, должны имѣть средства и на воспитаніе дѣтей своихъ“ (т. II, стр. 619).

Всячески заботясь о своемъ духовенствѣ, какъ добрый отецъ о своихъ единоутробныхъ дѣтяхъ, Сѣмашко дѣятельно оберегалъ его отъ всякихъ притѣсненій со стороны, онъ зорко слѣдилъ и направо и налѣво—не забижаетъ ли кто его дѣтей. Въ западномъ краѣ особенно сильно притѣсняли духовенство помѣщики. Отстаивая по большей части интересы разрушенной Польши, въ православномъ духовенствѣ они видѣли заклятыхъ враговъ своихъ; потому что возрожденное духовенство, всецѣло проникнутое стремленіемъ къ Россіи, прямо и непосредственно вліяло на народъ, вселяло въ него вѣрноподданническія чувства къ русскому престолу. Поэтому, чуть какая оплошность со стороны священника, помѣщикъ немедленно пишетъ на него доносы и къ архіерею, и къ губернатору, и даже къ самому министру внутреннихъ дѣлъ. „Попъ-де неправильно службы совершаетъ, обижаетъ его, помѣщика, волнуетъ его крестьянъ и пр. и пр.“ [1]). А иной еще расправится и самосудомъ: испортитъ церковную землю, а попа велитъ выдрать плетьми. Проницательный архипастырь все это зналъ, типъ западнаго задорнаго кутилы и развратника-помѣщика былъ знакомъ ему еще съ дѣтства, и ничто такъ не претило нравственному чувству владыки, какъ эти якобы обижаемые духовенствомъ баре. И горе же тому доносчику, если жалоба его по разслѣдованіи дѣла оказывалась сущей клеветою. Не отвяжется владыка отъ такого помѣщика, самъ возбудитъ законное преслѣдованіе противъ него и самое меньшее сдѣлаетъ, какъ если подставитъ его подъ шефъ-жандармскую руку. Взаимный антагонизмъ между помѣщиками и духовенствомъ усиливался еще нерѣдко и отъ того, что администрація западнаго края почти исключительно держала руку первыхъ. Разные исправники, становые пристава, будучи по большей части римско-католическаго исповѣданія, всегда были противъ духовенства. Даже губернаторы, простые и генералы, посылавшіеся изъ Петербурга для вящщаго успокоенія мятежнаго края и соблюденія

---

[1]) Какіе иногда приходили доносы на духовенство, стыдно даже упомянуть и въ подстрочномъ примѣчаніи; не только невѣроятность, но даже и нелѣпость ихъ лѣзла воочію. См. напр. въ III т., стр. 1227.

въ немъ интересовъ Россіи (за исключеніемъ развѣ Муравьева) (т. I, стр. 262—263), очень мало соотвѣтствовали своему назначенію. Они по большей части заражались мѣстнымъ духомъ и естественно стояли также за помѣщика. Бывало, какъ только затѣются какія-либо пререканія между священникомъ и помѣщикомъ, и пріятель послѣдняго—уѣздный исправникъ—донесетъ имъ, они не разобравъ ничуть дѣла, безсовѣстно строчатъ отношеніе къ владыкѣ, прося его отрѣшить попа. Но Сѣмашко не больно боялся ихъ, не даромъ онъ говоритъ, что ни съ однимъ генералъ-губернаторомъ онъ не сходился близко (ibid.). Обыкновенно онъ умѣлъ давать хорошій отпоръ несправедливымъ требованіямъ ихъ высокопревосходительствъ. Любопытно взглянуть на такія отписки владыки. Вотъ виленскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ прислалъ *секретное* отношеніе къ митрополиту, что священникъ поржецкой церкви Якутовичъ волнуетъ крестьянъ помѣщика Стравинскаго. Къ сему губернаторъ присоединилъ *весьма секретный*, присланный ему отъ слонимскаго земскаго исправника рапортъ изъ котораго видно, что священникъ Якутовичъ волнуетъ крестьянъ помѣщика Стравинскаго: проповѣдуетъ имъ объ измѣненіи повинностей и обѣщаетъ свое покровительство, наконецъ присоединилъ и донесеніе къ нему, губернатору—начальника гродненской губерніи (то же обвиняющаго священника). Посмотримъ, что отвѣтилъ его высокопревосходительству владыка. Священнику Якутовичу, какъ равно и другимъ, пишетъ владыка, въ свое время были даны „напоминанія и приказанія", чтобы въ чужія дѣла они не вмѣшивались. Но не довольствуясь этимъ я вызвалъ Якутовича къ себѣ. Онъ говоритъ, что доносъ на него помѣщика—выдумка, клевета; кромѣ того *невозможенъ* (доносъ), такъ какъ онъ Якутовичъ вовсе и понятія не имѣетъ о новыхъ инвентаряхъ, о которыхъ будто бы толковалъ крестьянамъ Стравинскаго. Якутовичъ ссылается на свое сорокалѣтнее служеніе и на то, что ни одинъ помѣщикъ въ предѣлахъ его многолюднаго прихода не жаловался на него, кромѣ Стравинскаго, крестьяне котораго составляютъ только небольшую частицу того прихода (sic). Священникъ Якутовичъ этотъ секретный доносъ приписываетъ неудовольствію Стравинскаго за нѣкоторыя требованія его, Якутовича, относящіяся къ священническимъ его обязанно-

стямъ, между прочимъ: за понужденіе къ исполненію священныхъ обязанностей жены Стравинскаго, православной, не бывшей нѣсколько лѣтъ у исповѣди и посѣщающей латинскіе костелы вмѣсто православной церкви; за требованіе, чтобы крестьяне Стравинскаго увольняемы были по закону на три дня для говѣнія и чтобы они отпускались въ церковь по праздникамъ для обученія необходимымъ молитвамъ; за обличеніе, что крестьяне Стравинскаго обременяются работами въ воскресные и праздничные дни. Мѣстный благочинный съ своей стороны доносъ исправника называетъ необдуманнымъ и несправедливымъ. Онъ утверждаетъ, что помѣщики вообще по недоброжелательству къ православному духовенству при всякомъ возможномъ случаѣ стараются вредить оному, а земскій исправникъ, будучи римско-католическаго исповѣданія, какъ и всѣ становые пристава по слонимскому уѣзду, старается войти во всѣ виды помѣщиковъ своихъ единовѣрцевъ. Сверхъ того розысканіе по этому дѣлу учредилось безъ *духовнаго депутата* и даже безъ полицейскаго чиновника, судьею Завишею. Этотъ слѣдователь, Стравинскій, предводитель дворянства и исправникъ—всѣ римско-католическаго исповѣданія. Еслибы, продолжаетъ митрополитъ, въ подобныхъ случаяхъ удалять отъ прихода священника, о чемъ и просятъ означенныя лица, то не обинуясь могу сказать, что въ короткое время не осталось бы на мѣстѣ ни *одного усерднаго* къ православной церкви священника. По производству этого дѣла нарушенъ *коренной* законъ. Розысканіе было произведено безъ вѣдома *духовнаго начальства*, безъ духовнаго депутата, по распоряженію уѣзднаго предводителя дворянства. Остается теперь только православнымъ благочиннымъ *назначать и производить слѣдствія о неблаговидныхъ* поступкахъ помѣщиковъ относительно православныхъ пастырей и ихъ паствъ (sic). Далѣе, уѣздный исправникъ—доносчикъ, самъ относился къ благочинному, чтобы онъ самъ и другіе православные священники извѣщали его, у какихъ помѣщиковъ крестьяне терпятъ голодъ (для законнаго понужденія ихъ къ прокормленію сихъ крестьянъ). Слѣдовательно, это составляетъ не только несообразность съ прежнимъ его доносомъ, но и неблагонамѣренный *умыселъ* уклониться со всѣмъ полицейскимъ причтомъ отъ исполненія этой тягостной мѣры и сложить все ненавистное въ оной на православное духовенство (sic). Нако-

нецъ, нѣтъ ничего общаго, даже еслибы священники и толковали инвентари крестьянамъ. Прежніе инвентари объявлялись крестьянамъ ихъ священниками. Естественно, что и нынѣ крестьяне обращаются и будутъ обращаться къ священникамъ за объясненіями и совѣтами, и я полагалъ бы *поддерживать еще болье* это довѣріе народа къ своимъ пастырямъ. Еще у всѣхъ въ свѣжей памяти масса конфискованныхъ имѣній послѣ польскаго мятежа, а это самый вѣрный указатель для простаго народа, что многіе помѣщики вели его не туда, куда указываетъ долгъ къ отечеству и церкви православной. Такимъ образомъ священникъ Якутовичъ безвинно пострадалъ (нравственно) отъ тайнаго доноса. Онъ получилъ замѣчанія и выговоры, обезпокоенъ сущностію доноса и сверхъ всего потерпѣлъ значительный для сельскаго священника убытокъ отъ дальней поѣздки въ городъ Вильно.

Въ виду всего изложеннаго покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство: а) *внушить* г. начальнику гродненской губерніи, чтобы въ дѣлахъ, касающихся православнаго духовенства, не были бы назначаемы слѣдствія безъ вѣдома духовнаго начальства, тѣмъ болѣе, что это въ гродненской губерніи бывало и раньше, хотя и по тѣмъ случаямъ были ему напоминовенія; б) слонимскому предводителю дворянства и земскому исправнику—дать въ *особенности* замѣчаніе за неправильныя ихъ дѣйствія по настоящему дѣлу; с) *вновь подтвердить*, чтобы православныхъ крестьянъ въ воскресные и праздничные дни помѣщики не принуждали бы къ работѣ и чтобы давали имъ три дня на говѣніе. Подобныя свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ я получалъ и помимо этого неоднократно (т. III, стр. 1135 1138). Вотъ какое отношеніе получилъ генералъ-губернаторъ Бибиковъ со всѣмъ своимъ причтомъ! Вѣроятно не особенно пріятно было читать ему эту далеко не лестную бумагу. Всѣ хитросплетенія помѣщика, исправника, судьи-слѣдователя, уѣзднаго предводителя дворянства, г. начальника гродненской губерніи и наконецъ самаго генералъ-губернатора владыка Сѣмашко расшибъ однимъ взмахомъ пера! Мало того г. уѣзднаго исправника онъ существенно потревожилъ и еще, и даже жену помѣщика Сгравинскаго не оставилъ въ покоѣ! (т. III, стр. 1139—40). Видя, что Сѣмашко такъ заступался за духовенство, совсѣмъ нельзя ска-

зать того, чтобъ владыка былъ потатчикомъ ему. Напротивъ, когда нужно, онъ былъ строгъ для него и чрезвычайно требователенъ, за маловажные проступки подвергалъ взысканію. Какъ самъ былъ точенъ и исправенъ во всемъ, такъ и въ другихъ любилъ видѣть тоже самое. Его крестовой церкви іеродіаконъ Евгеній немного опоздалъ однажды къ службѣ; владыка наказалъ его: велѣлъ вычесть у него 2 рубля изъ жалованья, купить на нихъ двѣ восковыя свѣчи, зажигать ихъ предъ мѣстными иконами во время богослуженія съ тѣмъ, чтобы іеродіаконъ Евгеній до окончательнаго сожженія сихъ свѣчей клалъ предъ образомъ Спасителя по пяти поклоновъ всякую вечерню, во время чтенія молитвы: Нынѣ отпущаеши раба твоего Владыко... (ib. стр. 941—48).

Несомнѣнно, что рублевая свѣча сгорѣла не скоро, а слѣдовательно и іеродіаконъ Евгеній освободился отъ своей епитиміи тоже не скоро. Соборный ключарь г. Вильно, экономъ духовной семинаріи и казначей Святотроицкаго монастыря не позаботились однажды своевременно убрать мусоръ, лежавшій на проѣздѣ въ семинарію. Митрополитъ же ѣхалъ служить въ семинарію, замѣтилъ это и означенныхъ лицъ распорядился оштрафовать каждаго на 5 рублей. Штрафныя же деньги приказалъ внести въ попечительство для бѣдныхъ духовнаго званія (т. III, стр. 1024). За незначительные поступки митрополитъ какъ-то любилъ штрафовать духовенство деньгами въ пользу духовнаго попечительства (т. III, 1021—22). Даже воспитанниковъ семинаріи онъ подвергалъ подобнымъ штрафамъ. Тѣ, которые запаздывали изъ нихъ послѣ каникулъ, должны были вносить въ духовное попечительство за каждый опозданный день по 25 к. И обыкновенно всѣ провинившіеся должны были молчаливо нести заслуженное наказаніе. Ни лесть, ни происки ничто не спасало ихъ отъ освобожденія. Владыка чуждъ былъ барской замашки дѣлать милости колѣнопреклоненнымъ по одному владычнему усмотрѣнію. Мѣриломъ всѣхъ милостей были у него - правда, заслуга, несчастіе или существенная потребность. Само собою разумѣется, что находились и недовольные его распоряженіями, но такихъ лицъ въ литовской епархіи, не смотря на ея особенное положеніе, было гораздо менѣе, чѣмъ въ другихъ (т. I, стр. 92). Возстанія же и разные ропоты, если они случа-

лись, владыка какъ-то умѣлъ пресѣкать въ самомъ корнѣ и притомъ такъ, что воочію показывалъ недовольнымъ всю непроходимую глупость ихъ умысла. „Однажды въ Клецкѣ, разсказываетъ владыка, собралось по назначенію моему болѣе сорока священниковъ. Входя въ церковь, я замѣтилъ что-то преднамѣренное. Подходитъ ко мнѣ принявшій на себя роль исповѣдника, здоровенный, краснощекій священникъ и съ лицемѣрнымъ смиреніемъ начинаетъ: можетъ-быть уже близка моя смерть... Что?... прервалъ я его, развѣ отъ апоплексическаго удара... Тутъ разразился неудержимый хохотъ духовенства, возбужденный вѣроятно извѣстнымъ характеромъ исповѣдника... Дайте Евангеліе... продолжалъ я... какъ-то читаетъ этотъ опасно больной?... Оказалось неумѣніе, которое раздѣляли и многіе другіе, такъ что кончилось однимъ стыдомъ затѣйниковъ—и заготовленной просьбы даже не осмѣлились показать изъ кармана" (89—90, т. I). Эта настойчивость, эта твердость характера, происходившая конечно отъ здраваго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ и pro и contra—сообщали владыкѣ необыкновенное хладнокровіе, которому позавидовалъ бы любой закаленный въ битвахъ воинъ. Жизнь въ западномъ краѣ, въ то самое время, когда бунтовала задорная Польша, когда лилась непрерывно кровь съ обѣихъ воюющихъ сторонъ, когда подавленный врагъ Россіи не задумывался ни предъ какими мѣрами, чтобы хотя какъ нибудь обезсилить противника, причинить ему вредъ—поневолѣ заставляла дрожать каждаго русскаго чиновника, ежечасно ждать воровскаго нападенія врага. Но не таковъ былъ владыка Сѣмашко. Преданный всецѣло своему служенію, глубоко убѣжденный, что это служеніе правое, святое и Божіе—онъ одинъ только не имѣлъ трусости, онъ спокойно смотрѣлъ на всѣ волненія и на всѣ намеки о возможной опасности его жизни отвѣчалъ: „Боже мой, говорилъ я не разъ, неужели вы не понимаете, что запечатлѣть кровію доброе, святое дѣло было бы для меня самымъ большимъ счастіемъ" (т. I, стр. 94). Но нельзя думать того, что врагъ не имѣлъ видовъ на почтеннаго архипастыря, который нанесъ ему самый существенный ущербъ, полтора милліона людей вырвавъ изъ рукъ его, людей, которые и по вѣрѣ и по убѣжденіямъ были уже наканунѣ слитія съ Польшей. Да, врагъ дѣйствительно давно уже стерегъ владыку, искалъ удобнаго случая порѣшить

съ нимъ, и если былъ удерживаемъ отъ своего злокозненнаго намѣренія, то по-истинѣ уже Всемогущею рукою. Самъ же владыка какъ-то не вѣрилъ въ подобныя дѣйствія врага и даже очень не любилъ, когда сообщали ему, что тутъ-то де его подстерегаютъ (см. II т., стр. 319—323). Вездѣ разъѣзжалъ одинъ, являлся всюду безъ всякихъ предосторожностей и даже въ самыя опасныя минуты былъ спокоенъ, какъ нельзя болѣе. „При извѣстныхъ политическихъ обстоятельствахъ, разсказываетъ самъ митрополитъ, были предостереженія, что русскихъ въ Вильнѣ перерѣжутъ во время праздничнаго богослуженія—я не подумалъ отмѣнить оное. При освященіи мною въ Вильнѣ каѳедральнаго собора былъ доносъ, будто подъ него подложенъ порохъ; нельзя было увѣриться въ противномъ за накопленіемъ въ подвалахъ огромнаго количества мусора; на жандармскомъ генералѣ и нѣкоторыхъ другихъ, знавшихъ о доносѣ, при входѣ въ церковь, лица было не видно, *я же былъ совершенно хладнокровенъ* и совершилъ богослуженіе какъ бы ни о чемъ не зналъ (т. I, 93—94). Такая увѣренность въ безопасности, такая рѣшимость на все поистинѣ могли быть только у честнаго и справедливаго человѣка, который не зналъ за собою никакихъ обвиненій.

Взглянемъ теперь для полноты характеристики на частный образъ жизни владыки, каковъ онъ былъ дома. Въ бытность свою въ Петербургѣ, когда владыка былъ еще членомъ коллегіи, несмотря на многія удовольствія столицы, на ея блестящее общество, онъ велъ довольно своеобразную жизнь. На первыхъ порахъ своего пребыванія въ Петербургѣ Сѣмашко почти все свободное отъ должностныхъ занятій время посвящалъ на изученіе красиваго города. Часовъ десять въ день онъ прохаживалъ по городу и его окрестностямъ, наблюдая за шумною столичною жизнію. Любимымъ занятіемъ его во время прогулокъ было—смотрѣть на производившіяся постройки. Онъ часто по нѣскольку часовъ простаивалъ на одномъ мѣстѣ, всматриваясь во все и свои недоумѣнія объясняя вопросами мастеровымъ и архитекторамъ. Благодаря этимъ наблюденіямъ впослѣдствіи владыка пріобрѣлъ такую опытность въ строительномъ дѣлѣ, что свободно чертилъ планы для своихъ епархіальныхъ зданій и руководилъ постройками не хуже любаго архитектора.

Одинъ изъ товарищей по коллегіи задумалъ однажды ввести Сѣмашку въ общество, но первый дебютъ вышелъ такъ неудаченъ, что отбилъ всякую у него охоту бывать въ обществахъ. Товарищъ привелъ Сѣмашку на вечеръ къ одному римскому прелату. Здѣсь было два-три человѣка свѣтскихъ, очень не разборчивыхъ; поднялся разговоръ, которому подобнаго, говоритъ Сѣмашко, я въ жизни еще не слышалъ, я краснѣлъ, какъ невинная дѣвушка; я не понималъ, чтобы подобные разговоры могли происходить въ обществѣ духовныхъ;... все это мнѣ показалось омерзительно. И вотъ будущій дѣятель православія съ жаждою накинулся на книги—любимое занятіе своего дѣтства. Въ первый же годъ онъ прочиталъ изъ библіотеки Глазунова болѣе четырехсотъ книгъ. Всѣ отрасли человѣческихъ знаній были предметомъ быстраго, усерднаго и добросовѣстнаго изученія его. Въ особенности онъ принялся за русскія книги, недоступныя для него прежде, перечиталъ ихъ столько, сколько могъ, и сроднился чрезъ это еще болѣе съ Россіею и православною церковію. Благодаря этому чтенію онъ пріобрѣлъ и хорошій навыкъ въ русскомъ языкѣ. Въ ненастную погоду, когда нельзя было совершать обычныя прогулки по городу, Сѣмашко любилъ ходить къ одному почтенному, пожилому протоіерею. Здѣсь друзья пили чай, вели оживленную бесѣду; а протоіерей умѣлъ хорошо разсказывать: онъ знакомилъ своего гостя съ различными сторонами общественной жизни, столь мало Сѣмашкѣ извѣстной. Тутъ же играли они въ совершенно безвинную игру въ карты, „ромель-пикетъ“, конечно не на деньги. Гость обыкновенно всегда обыгрывалъ хозяина. Это была особенная способность у Сѣмашки: нерѣдко только покажутъ ему какую-нибудь игру, и онъ тутъ же обыгрывалъ своихъ учителей. Посѣщалъ иногда и театры и „до сихъ поръ, говоритъ онъ, не жалѣю объ этомъ.“ Театральныя представленія по его мнѣнію восполнили его неопытность въ житейскихъ дѣлахъ, дали ту зоркость и проницательность въ дальнѣйшей общественной жизни, которыми онъ всегда довольно отличался.

Что касается матеріальной жизни, то она совсѣмъ не интересовала Сѣмашку: въ бытность свою въ школѣ онъ не любилъ тратить деньги по пустому, никогда не заботился о лакомствахъ и истрачивалъ даваемыя родителемъ деньги единственно только

на пріобрѣтеніе книгъ. Получая въ Петербургѣ 1.200 руб. ассигнаціями, онъ вовсе не думалъ, что это жалованье ничтожно, умѣлъ прожить на него съ довольствомъ, даже посылалъ иногда родителямъ подарочки. Слѣдовало бы ожидать, когда Сѣмашко сдѣлался Литовскимъ архіереемъ—что для него должна была бы возникнуть здѣсь и другая частная жизнь. По своему положенію онъ долженъ былъ имѣть нерѣдкія сношенія съ различными членами виленскаго общества, сдружаться съ ними и пр. и пр. Но къ удивленію мы этого не видимъ. Владыка не любилъ Вильно, тяготился даже своимъ пребываніемъ въ немъ, потому что общество этого города состояло главнымъ образомъ изъ поляковъ и латинъ. Понятно, что ничего не могло быть общаго у владыки съ ними кромѣ какихъ-либо оффиціальныхъ отношеній по службѣ. Прогуливаться по городу, какъ это бывало въ Петербургѣ, теперь онъ уже не могъ—не дозволяли санъ и приличіе, ходить въ гости точно также было бы неловко,—общественные языки могли пустить разныя предположенія, сплетни и пр. и пр. И владыка повелъ еще болѣе уединенную жизнь... Но постоянное однообразіе, чтеніе, занятіе сложными дѣлами по епархіи—все это очень прискучивало и надоѣдало ему; онъ далеко не былъ аскетомъ: живой и дѣятельный умъ его искалъ всюду разнообразія, и вотъ радъ-радъ бывалъ владыка, когда наступало лѣто, когда можно было ему выѣхать въ свой загородный домъ, въ Триниполь. Это былъ прежде латинскій тринитаріатскій монастырекъ, закрытый по всей вѣроятности за ненадобностію въ началѣ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія и отданный правительствомъ виленскому архіерею. Мѣстность, гдѣ находилась эта дача, была прелестна. Предъ лицемъ Триниполя протекала широкая рѣка Вилія, сзаду же его окружали высокія горы, покрытыя густымъ лѣсомъ. Всю эту дачу частію передѣлалъ, а частію устроилъ вновь владыка самъ. Прежде всего онъ отдѣлалъ здѣсь церковь съ прекраснымъ иконостасомъ, передѣлалъ двухъэтажный монастырь, сдѣлалъ въ немъ прекрасное помѣщеніе для архіерея со всею нужною свитою, построилъ всѣ необходимыя службы, возвелъ два огромныхъ каменныхъ моста на глубокомъ потокѣ Кедронѣ, прорѣзавшемъ Тринипольскія горы, выложилъ изъ булыжника гигантскую стѣну (болѣе 60 саж.) для поддержанія террасы предъ церковію и до-

момъ, и сверхъ всего разбилъ огромный паркъ и садъ. На всѣ эти постройки даже опытный инженеръ израсходовалъ бы не менѣе 50 тысячъ руб., но владыка довольствовался только 24мя тысячами, потому что всѣ эти работы были плодомъ его личнаго трудолюбія и распорядительности. Обыкновенно онъ самъ выходилъ на работу вмѣстѣ съ рабочими и гости нерѣдко заставали его запыленнымъ среди развалинъ или въ какой-либо ямѣ. Но особеннымъ трудомъ и попеченіемъ митрополита пользовался его паркъ, раскинутый почти на двѣнадцати десятинахъ. Здѣсь хозяйскій глазъ и хозяйскія руки работали неустанно. Владыка преобразовалъ почву для него: каждый день заставлялъ на всѣхъ своихъ лошадяхъ, если они не работали еще гдѣ, возить хорошую землю, и это дѣлалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сáмъ садилъ, очищалъ и подрѣзывалъ деревья, ухаживалъ за ними, какъ опытный садовникъ, и съ теченіемъ времени это дѣтище его такъ разрослось и украсилось, что во всемъ округѣ не находилось мѣста живописнѣе митрополичьей дачи. Виленцы, прежде подтрунивавшіе надъ работами владыки, удивлялись и спрашивали его: какъ это у васъ все принимается и растетъ? Онъ обыкновенно отвѣчалъ на это добродушно: „у васъ бы не росло, а православнымъ Богъ помогаетъ“.

Наслаждаясь самъ прелестями Тринопольской дачи, митрополитъ очень любилъ и другимъ доставить тоже удовольствіе. Нерѣдко позоветъ бывало воспитанниковъ духовныхъ училищъ и семинаріи, угоститъ ихъ чаемъ, побесѣдуетъ, заставитъ попѣть и предоставитъ полную волю въ большомъ паркѣ, а самъ съ любовію смотритъ на ихъ безвинное веселье. Самое же отрадное развлеченіе для владыки было, когда пріѣдетъ его сестра, жена каѳедральнаго виленскаго протоіерея, съ маленькими дѣтьми. Тогда владыка ни на минуту не покидалъ своихъ маленькихъ племянниковъ и племянницъ. Вмѣстѣ съ ними пилъ чай, обѣдалъ, ужиналъ, вмѣстѣ съ ними совершалъ прогулки: любилъ ходить, взявъ на руки котораго-нибудь изъ дѣтей, и чѣмъ меньше онъ — тѣмъ лучше, любилъ смотрѣть, какъ они рѣзвятся, любилъ помогать имъ собирать грибы и плоды въ пространномъ саду, любилъ послушать, какъ они читаютъ. И нерѣдко маленькіе гости увлекутъ бывало своего хозяина въ самую отдаленную и глухую часть парка, разведутъ костеръ и начнутъ готовить

дядѣ любимыя его малороссійскія два—три блюда. Владыка съ удовольствіемъ смотрѣлъ на маленькихъ хлопотуновъ, ихъ бѣготню, прыганья и пр., называлъ „танцами“, а самую затѣю „трипольскимъ баломъ“.

Вотъ какъ незатѣйливы были вкусы Сѣмашки. Если сравнить бы этотъ его образъ жизни съ тѣмъ, какой проводило современное ему высшее римское духовенство, аббаты, прелаты и пр., то несомнѣнно нашъ архипастырь въ этомъ отношеніи далеко-далеко отодвинулся бы на задній планъ.

Тамъ роскошь, тамъ всѣ удовольствія жизни и изысканный столъ, и отборное вино св. Бенедиктинцевъ, и блистающая одежда, и первые кони и экипажи, и салонная литература, пріятно щекочащая нервы послѣ тучнаго обѣда—словомъ та же жизнь, что и предковъ ихъ—Римлянъ временъ имперіи, здѣсь всюду бѣдность и нужда, бѣдность, недозволявшая даже обставиться прилично сану... А развѣ Сѣмашко не могъ бы наслаждаться тою жизнію? Могъ и даже еще лучше. Онъ стоялъ уже на прямой дорогѣ попасть въ римскіе кардиналы и т. д. Но не сдѣлалъ этого, потому что былъ въ высшей степени честенъ и справедливъ; потому что видѣлъ предъ собою двѣ церкви—одну раздираемую человѣческими злоупотребленіемъ и насиліемъ, церковь Римскую, другую—напротивъ, блистающую какъ солнце, строго держащуюся апостольскаго установленія и преданія, церковь православную, Греко-Россійскую. Какъ человѣкъ чистый онъ поэтому и долженъ былъ примкнуть къ церкви чистой. Но истинные служители сей послѣдней не корыстолюбивы, не искатели сокровищей и удовольствій сей жизни. Цѣль ихъ жизни,—усердное служеніе Богу и ближнему своему. Что же касается себя—они объ этомъ никогда не заботятся, такъ какъ ихъ всегда окружаетъ ореолъ христіанскаго смиренія. Таковъ былъ и владыка Сѣмашко: никогда онъ не искалъ почестей, никогда не просилъ себѣ наградъ, даже для бѣдной, нуждающейся церкви своей боялся выпрашивать *), тѣмъ, что имѣлъ, дѣлился со вс-

*) Для подтвержденія этого любопытно взглянуть на слѣдующее его письмо къ ректору московской духовной семинаріи архимандриту Леониду.

«Въ Вильнѣ, пишетъ митрополитъ, есть церковь среди зданій духовныхъ учебныхъ заведеній. Прежніе владѣльцы ея (католики) обобрали ее такъ, что оставили одну стѣну и крышу... Мнѣ желательно преобразовать эту церковь въ пра-

ми [1]). И этотъ ли человѣкъ, какъ упрекаютъ его враги, имѣлъ корыстолюбивые замыслы — возсоединеніемъ Уніатовъ подслужиться Русскому правительству? Поистинѣ mens sana in corpore sano измышленіе латинскаго слабоумія!

II.

«Во градъ Самарянскій не внидите, но идите къ овцамъ погибшимъ дому Израилева».

Само собою разумѣется, что только такой безкорыстный и въ высшей степени прямодушный человѣкъ, какимъ былъ,

---

вославный храмъ. Между тѣмъ требуются важныя издержки, которыхъ у насъ нѣтъ... Вотъ и внушилъ мнѣ Господь обратиться въ семъ дѣлѣ къ православной Москвѣ... Если вамъ *не будетъ тягостно, не будетъ непріятно*, то *испросите*, о. ректоръ, у святаго владыки вашего (м. Филарета) дозволеніе и благословеніе и затѣмъ представьте означенную потребность благоусмотрѣнію тѣхъ изъ благочестивыхъ московскихъ гражданъ, которые и могутъ и желаютъ жертвовать на доброе дѣло частицею «(т. II стр. 555—556.)» Вотъ какъ смиренно проситъ онъ пожертвованія на самую необходимую нужду. Любопытно видѣть здѣсь между прочимъ и то, что Сѣмашко по своему смиренію не обращается прямо къ митрополиту Филарету, хотя былъ очень близокъ съ нимъ и находился почти въ ***постоянной перепискѣ.***

[1]) *Пожертвованія Сѣмашки.* Въ 1854 г., по случаю войны, пожертвовалъ $1/2$ своего жалованья т.-е. 2.000 руб.: такъ дѣлалъ онъ во все время войны. Въ 1850 г. по случаю исполнившагося 25тилѣтняго царствованія императора Николая пожертвовалъ виленскому человѣколюбивому обществу 1.000 р. сереб. Въ 1852 г. по случаю возведенія его въ митрополиты раздалъ виленскимъ бѣднымъ 425 руб. Въ 1848 г. завѣщалъ виленскому Святодухову монастырю 3.000 руб. сереб., съ тѣмъ, чтобы означенный монастырь поминалъ бы вѣчно всѣхъ подвизавшихся въ благомъ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью. Въ 1854 г. по случаю 25 л. служенія Сѣмашки въ санѣ архіерейскомъ пожертвовано 500 р. с. для раздачи бѣднымъ безъ различія исповѣданій. Въ 1851 г. пожертвовано въ Виленскую духовную семинарію 1.130 томовъ книгъ. По случаю восшествія на престолъ Императора Александра II пожертвовано виленскому гарнизонному караулу 300 р. с. 9 іюля 1849 г. пожертвовано владыкою проходившему чрезъ г. Вильно полку солдатъ 60 пуд. говядины и 60 гарнцевъ водки. Преображенскому полку въ томъ же году 150 р. Въ томъ же году гвардейскому полку 150 руб. Въ томъ же году казанскому полку 100 р. Въ томъ же году гренадерскому цесаревича полку 60 пуд. говядины и 60 гарнцевъ водки. Войскамъ гренадерскаго корпуса въ томъ же году въ свѣтлый день на красныя яйца 150 руб. сереб. Вотъ болѣе крупныя пожертвованія, но имѣется масса и мелкихъ—натурою.

какъ мы видѣли выше, Іосифъ Сѣмашко, могъ подъять на себя апостольскій подвигъ,—возвратить православной церкви заблудшихъ ея овецъ. Означенная задача, говоримъ не обинуясь, *составляла цѣль всей жизни литовскаго іерарха*: она была постоянною и необходимою пищею для его живаго и дѣятельнаго духа, проникала всѣ его мысли, всѣ чувствованія. Гдѣ бы Сѣмашко не былъ—на службѣ ли, дома-ли, уніатское дѣло всегда предносилось предъ умственнымъ его взоромъ. И неудивительно. Воспитанный съ раннихъ лѣтъ въ духѣ и убѣжденіяхъ православной церкви, которыя съ теченіемъ времени были провѣрены и обдуманы имъ всесторонне, Сѣмашко естественно долженъ былъ придти къ выводу о православіи одной только восточной церкви и наоборотъ убѣдиться въ ложномъ направленіи другихъ церквей, а тѣмъ болѣе своей родной—уніатской. Этой-то церкви Іосифъ и посвятилъ всю свои жизнь, буквально вывелъ ее изъ мрака къ свѣту. Чтобы лучше видѣть и оцѣнить дѣятельность литовскаго іерарха по возсоединенію уніатовъ, намъ необходимо представить, хотя вкратцѣ, положеніе уніатской церкви до появленія въ ней Сѣмашки. Для этого намъ нѣтъ нужды обращаться къ какимъ либо другимъ источникамъ помимо собственноручныхъ записокъ М. Сѣмашки. Два съ половиною тома актовъ по уніатскому дѣлу представляютъ огромный и, что важно для историка, — неповрежденный матеріалъ.

Въ 1596 году многочисленный русскій народъ, населявшій западный край Россіи, называвшійся Литвою, тщаніемъ и усердіемъ римскаго папы былъ отторгнутъ отъ восточной православной церкви и присоединенъ къ латинской. Случилось это такъ. Еще во время своей политической самостоятельности Литва или лучше — сказать ея великіе князья, постоянно враждовали съ Москвою изъ-за церковнаго подчиненія ей. Они боялись, и не безъ основанія, что подчиненіе церковное привѣдетъ за собой и политическое. Въ виду этого литовскіе князья усиленно въ продолженіи немалаго времени добивались церковной самостоятельности для своего края. Препятствія, встрѣчавшіяся имъ изъ Москвы, а по ея наущенію и изъ Константинополя въ концѣ концовъ побудили означенныхъ князей самовольно объявить свою церковь независимою отъ московскаго митрополита. Это явленіе не имѣло кажется вреднаго вліянія для литовской церкви;

вѣра, богослуженіе и всѣ обряды остались неприкосновенными. Но оно оказалось такимъ, когда Литва соединилась съ католическою Польшею. Не такъ легко было бы присоединить новому правительству православную церковь литовскаго края къ католической, ежели бы она была еще подчинена московскому митрополиту. Православная Москва не допустила бы этого: она хорошо знала всѣ папскія козни и на всѣ заискиванья даже такихъ католическихъ свѣтилъ, какъ напр., Антонія Поссевина, отвѣчала обыкновенно злою ироніею. Но польское правительство, видя съ одной стороны православную церковь своего края автономной, за которую сдвали кто заступится изъ православнаго міра, а съ другой заботясь о государственныхъ своихъ интересахъ, и придумало по инипіативѣ папы унію. Вѣрные слуги этого послѣдняго—іезуиты дѣятельно и осторожно подводили православный народъ къ подданству римскаго престола. И устно и письменно они неустанно жужжали въ уши православныхъ, что въ Русской церкви большіе безпорядки; *женатые* священники пекутся только о мірскомъ, не учатъ народа, сами большіе невѣжи, унижены и безгласны, такъ какъ міряне у нихъ всѣмъ правятъ. Греки, обращая русскихъ въ христіанство, нарочно оставили имъ Славянскій языкъ, чтобы держать ихъ во мракѣ невѣжества; ключъ къ познанію наукъ и христіанской вѣры скрывается только въ классическихъ языкахъ латинскомъ и греческомъ и пр. Правительство же съ своей стороны обѣщало духовенству хорошія льготы: такую же жизнь, какую проводило и католическое духовенство. Что же касается самаго исповѣданія, то его обѣщали оставить нетронутымъ, только бы признавали возсоединенные главенство папы. Прельщенные этими льготами православные іерархи литовскаго края легко подались на сдѣлку, и вотъ цѣлый народъ оказался въ подданствѣ у папы. Само собою разумѣется, что папы очень далеки были отъ той мысли, чтобы оставить возсоединенныхъ въ томъ положеніи, какое обѣщали имъ при заключеніи уніи. Прежде всего земные намѣстники Христа поставили себѣ задачею преобразовать уніатское духовенство. Они начали съ монашества. Открыли свободный ходъ особамъ римско-католическаго исповѣданія въ уніатскіе монастыри, а чрезъ это очевидно и ко всѣмъ высшимъ должностямъ уніатской церкви. Тогда богатые фундуши уніат-

скихъ монастырей, епископій и архіепископій привлекли немедленно достаточное количество знаменитѣйшихъ особъ римско-католическихъ фамилій.

Добрые уніатскіе монахи можетъ быть сначала и радовались, видя какую честь оказываютъ имъ латыне,—сколько душъ ради спасенія сразу отторгнуто отъ свѣта; но вскорѣ очевидно разочаровались: пришельцы исходатайствовали у правительства привилегію, чтобы на архимандріи и епископіи никто кромѣ дворянъ не могъ быть допускаемъ. Въ силу этого католики, если не вытѣснили совсѣмъ прежнихъ хозяевъ, съ занимаемыхъ ими мѣстъ, то по крайней мѣрѣ поставили ихъ въ полную отъ себя зависимость. Прибравъ къ своимъ рукамъ первѣйшія мѣста и фундуши уніатской церкви, католики пошли дальше: они совершенно измѣнили уніатское монашество. Прежде монастыри были подчинены епископамъ, какъ и вообще во всей православной церкви; католики порвали эту зависимость и учредили общество базиліановъ, совершенно автономное, управлявшееся самостоятельными генералами или просто архимандритами [5]). Подъ властію этихъ начальниковъ уніатское монашество совершенно измѣнилось; древній греческій обрядъ совсѣмъ замѣнился латинскимъ и остался только одинъ славянскій языкъ. Такимъ образомъ монастыри, прежніе защитники православія въ Литвѣ, явились разсадниками католичества на подобіе другихъ римскихъ монашескихъ орденовъ.

Преобразовавъ уніатское монашество, римскій дворъ полагалъ этого совершенно достаточнымъ для совращенія уніатовъ въ свой обрядъ. Бѣлое духовенство онъ думалъ принудить силою власти: отнялъ у него богатые фундуши, учредивши изъ оныхъ монастыри, и поставилъ монаховъ епархіальными начальниками. Но бѣлое духовенство возрыдало подъ властію черныхъ своихъ собратій и сдѣлалось заклятымъ врагомъ ихъ. Нужно было олатинить и этихъ.

Давно уже существвовали въ Римѣ, Вильнѣ, Бронсбергѣ и Лембергѣ для дѣтей русскаго духовенства училища, учрежденныя признательными папами. Эти заведенія сначала были въ рукахъ

[5]) Правда, сначала базиліанскіе начальники еще повиновались митрополитамъ но, впослѣдствіи совсѣмъ вышли изъ-подъ ихъ подчиненія.

іезуитовъ, а потомъ перешли въ вѣдѣніе папскихъ нунціевъ. Но образованіемъ пользовались здѣсь только лица, поступавшія послѣ въ монашеское званіе. Теперь опредѣлено было точно: посылать дѣтей уніатскаго бѣлаго духовенства въ латинскія училища, и чтобы они послѣ не поступали въ монахи, брали съ нихъ клятву. Благодаря этой мѣрѣ среди бѣлаго уніатскаго духовенства явились образованные священники съ большими симпатіями къ римской церкви. Эти пастыри усердно старались измѣнить греко-уніатскій обрядъ, даже обрили себѣ бороды и поскидали прежнія рясы! Въ награду за это папы жаловали ихъ крестами, спеціально учрежденными для ревностныхъ въ уніи бѣлыхъ священниковъ. Такъ обстояло дѣло по совращенію уніатовъ въ римскій обрядъ во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія. Вѣроятно уже въ Римѣ пріятно потирали руки отъ столь удачнаго хода дѣла. Но вотъ загремѣло надъ Польшею смертоносное орудіе Екатерины и къ немалому удивленію и прискорбію римской куріи половина уніатскаго народа обратилась къ греко-россійской церкви!

Поняли оплошность въ Польшѣ, а еще того больше въ Римѣ. Въ религіозномъ отношеніи достигнуто было многаго, но въ политическомъ очень малаго: уніаты тянули къ Россіи. Благодаря папскимъ подстреканіямъ и собственной униженности разорванная на части Польша рьяно затянула патріотическую пѣсню. Къ участію въ этомъ концертѣ пригласили и ни въ чемъ неповинныхъ, простодушныхъ уніатовъ! И въ школахъ, и въ народѣ старались вселить презрѣніе къ Россіи. Не зная русскихъ, ни ихъ исторіи, ни литературы, ни обычаевъ, всюду утверждали, что это народъ грубый варварскій, и слово „москаль“ было не только изъявленіемъ презрѣнія, но и верхомъ всѣхъ ругательствъ. Изъ разсказа о воспитаніи Сѣмашки, мы уже видѣли, какъ дѣятельно оберегались школы отъ русскаго вліянія. Русскимъ по духу и крови воспитанникамъ старались внушить, что истинное отечество ихъ католическая Польша. Но еслибы кто изъ уніатскаго духовенства и не особенно одушевлялся въ школѣ польско-католическими идеями, то на мѣстѣ онъ уже ни какъ не могъ устоять отъ этого соблазна. Завися, какъ въ полученіи прихода, такъ и въ матеріальномъ вознагражденіи, отъ польскаго помѣщика католическаго исповѣданія, очень рѣдкій, можетъ быть

изъ тысячи одинъ, священникъ былъ въ состояніи не уклониться въ латинство. И дѣйствительно, въ 1-й четверти текущаго столѣтія уніатское духовенство совсѣмъ стерло свою прежнюю физіономію и встало въ ряды римско-католическаго. Оно имѣло уже то же одѣяніе и тѣ же наружные знаки отличія, что и католическое духовенство, служило въ однихъ церквахъ, на однихъ алтаряхъ и въ тѣхъ же священныхъ облаченіяхъ, что и латине: греческіе обряды замѣнило римскими: вмѣсто внятнаго богослуженія—тайно читаемыя мессы, вынесло изъ церквей иконостасы и заиграло на органахъ! Единственное достояніе, остававшееся отъ прежняго богослуженія, славянскій языкъ—ревнители замѣняли латинскимъ. Даже проповѣди, въ русскомъ краѣ, русскому народу произносились на польскомъ языкѣ! Что же касается народа, то онъ былъ во власти католическаго барина, а потому и шелъ безропотно туда, куда указывалъ онъ и олатинившійся пастырь. Такимъ образомъ ко времени выступленія Сѣмашки въ качествѣ защитника, если такъ можно выразиться, православно-русскихъ интересовъ въ Литовскомъ краю—не оставалось уже почти никакой преграды къ окончательному совращенію уніатовъ въ римскій обрядъ. И католики дѣйствительно пользовались случаемъ—перетаскивали въ свое исповѣданіе цѣлыми тысячами. Правда изъ Петербурга это запрещалось, но ревностные слуги Ватикана очень хорошо умѣли обходить всѣ законы и указы. Ко времени поступленія на службу Сѣмашки *нѣсколько лѣтъ* лежало въ греко-уніатской коллегіи дѣло о возвращеніи болѣе двадцати тысячъ уніатовъ, перешедшихъ въ католичество изъ одной только виленской епархіи, состоявшей всего только изъ 300 церквей. Вотъ въ какомъ положеніи находилась греко-уніатская церковь. По-истинѣ положеніе печальное: народъ по крови, языку, обычаямъ и проч. вполнѣ русскій, бывшій нѣкогда православнымъ, быстро ополонизировался и переживалъ уже канунъ своего религіознаго слiянія съ католиками. Но кто же берется помочь этому народу и возможна ли еще помощь?... Какой-то молодой чиновникъ греко-уніатской коллегіи, сынъ бѣднаго уніатскаго священника кіевской губерніи Іосифъ Сѣмашко! Можетъ быть у него хорошія *связи* въ Петербургѣ, можетъ быть онъ былъ извѣстенъ при дворѣ, бывалъ и у министровъ? Далеко нѣтъ. Мы знаемъ уже, что его даже въ *своемъ*

обществѣ никогда не видали. Да, Сѣмашко не имѣлъ связей, не имѣлъ даже близкихъ знакомыхъ, но въ его жилахъ текла не кровь, а огонь южнаго россіанина, въ его головѣ былъ „царь“, въ его сердцѣ — глубокая вѣра въ Бога, влеченіе и любовь къ отечеству и церкви православной.

Надѣленный этими рѣдкими качествами, Сѣмашко прежде всего усиленно стремится очистить уніатскую церковь отъ католической примѣси, произвести въ средѣ ея прочную внутреннюю организацію и присоединить ее къ лону церкви православной. Какъ это онъ сдѣлалъ, при помощи какихъ мѣръ и средствъ — объ этомъ теперь и будетъ наша рѣчь.

Болѣя „и сердцемъ и душею“ за уніатскую церковь, Сѣмашко естественно съ малыхъ лѣтъ зорко наблюдалъ за всѣми событіями, каковы бы они не были, переживаемыми ею. Въ 1827 г., когда Сѣмашко былъ еще простымъ ассессоромъ въ уніатской коллегіи, послѣдовалъ Высочайшій указъ къ уніатской церкви. Этимъ указомъ запрещалось принимать католиковъ въ уніатское монашество и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно учредить училища для уніатскаго духовнаго юношества. Хорошо понимая всю важность означеннаго указа съ одной стороны, а съ другой — зная изъ опыта исполненіе подобныхъ правительственныхъ распоряженій въ литовскомъ краю, Сѣмашко рѣшился на слишкомъ рѣзкую выходку, — раскрыть глаза правительству: онъ подалъ докладную записку Государю Николаю Павловичу. Въ этой запискѣ ассессоръ уніатской коллегіи кратко, но въ яркихъ краскахъ изобразилъ бѣдствующее положеніе уніатской церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ отъ себя *мѣры* къ исправленію ея [6]). По мысли молодаго чиновника *нужно было удалить нѣсколько уніатовъ отъ римлянъ, дать посредствомъ воспитанія надлежащее направленіе умамъ духовенства, 1500 уніатскихъ приходовъ занимающаго... И народъ легко пойдетъ путемъ, пастырями своими указываемымъ.* Въ частности, чтобы духовныя школы принесли должную пользу, по мнѣнію Сѣмашки требовалось *обязать* уніатское духовенство, чтобы оно воспитывало своихъ дѣтей въ этихъ только школахъ. Самыя же училища должны заключать въ себѣ всѣ способы и удобства къ просвѣщенію“. Тамъ ихъ должно быть достаточное

6) Т. I, приложеніе къ I ч. № 4.

количество, чтобы духовенство не затруднялось дальностію пути, чтобы въ отношеніи наукъ и преподаванія ихъ духовныя училища ни въ чемъ бы не уступали свѣтскимъ; чтобы былъ въ нихъ казенный коштъ для сиротъ и бѣдныхъ дѣтей; для лучшаго сближенія между собою воспитанниковъ должно ввести преподаваніе наукъ на русскомъ языкѣ (вмѣсто польскаго) и наконецъ, удалить монаховъ до окончательнаго преобразованія ихъ ордена (базиліанскаго) отъ руководства воспитаніемъ дѣтей въ этихъ школахъ.

Другая мѣра предпріимчиваго ассессора коллегіи клонилась къ разрушенію базиліанскаго ордена, который былъ, какъ мы видѣли, въ родѣ разбойничаго гнѣзда въ уніатской церкви. Онъ владѣлъ въ Литвѣ 11,435 крестьянскими душами и капиталомъ въ 85?,152 руб. И эти средства расходовались исключительно на 600 человѣкъ только монаховъ! По мысли Сѣмашки должно было бы *закрыть совсѣмъ* 50 базиліанскихъ монастырей, а оставшіеся количествомъ 20 преобразовать. Сюда, т.-е. въ базиліанскіе монастыри должно было перевести духовныя училища, которыя бы и содержались на средства монастырей. Съ монахами же предлагалось поступить такъ: частію разсортировать ихъ по монастырямъ, частію оставить здѣсь (монаховъ изъ уніатовъ); подчинить ихъ епархіальному начальству и наконецъ запретить вступать въ монашество малолѣтнимъ чтобы молодые люди не произносили безразсудныхъ обѣтовъ, а вступая въ монашество, знали бы уже обязанности человѣка, гражданина, священника и проч. Далѣе Сѣмашко предлагалъ преобразовать весь административный строй уніатской церкви. Прежде всего онъ настаивалъ на совершенномъ отдѣленіи греко-уніатской коллегіи отъ римско-католической. Послѣдній всегда властвовалъ надъ первымъ, потому что католики по отношенію къ уніатамъ были всегда господами. Какъ только какое-нибудь дѣло требовало совмѣстнаго рѣшенія обоихъ департаментовъ, католики всегда первенствовали. Очевидно, что и самое соединеніе этихъ департаментовъ произошло по ихъ проискамъ: чтобы держать въ своихъ рукахъ уніатскую церковь. Вслѣдъ за раздѣленіемъ департаментовъ на два совершенно независимыя другъ отъ друга учрежденія, Сѣмашко желалъ ввести нѣкоторыя преобразованія и въ уніатскихъ епархіяхъ. Вопервыхъ, по его мнѣнію должно

было удалить резиденціи уніатскихъ епархіальныхъ начальствъ отъ католическихъ каѳедръ и даже отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ преобладаютъ католики. Цѣль этой мѣры была та, что высшее уніатское духовенство, будучи удалено отъ католическаго вліянія, скорѣе бы пошло на преобразованія, а за нимъ и низшее духовенство [1]). Вовторыхъ, учредить, также для отдѣленія уніатскаго духовенства отъ римскаго, *каѳедральные штаты.* Конституціею Владислава III-го уніатское духовенство во всѣхъ привилегіяхъ было сравнено съ римскимъ. Въ силу этого уніаты всегда стремились учредить у себя капитулы на манеръ римскихъ, но благодаря католическому давленію не достигали [2]). Въ 1781 г., для 30 ревностныхъ въ уніи священниковъ папа учредилъ кресты наподобіе *каноничьихъ.* Эти кресты раздавали митрополиты и награждали ими гораздо большее количество (т.-е. больше 30); лица получившія ихъ стали именоваться *каноннками.* Если уніаты такъ желали имѣть у себя капитулы и званіе канониковъ съ крестами, а этимъ они только приближались къ римскому духовенству—то столь же лестно для нихъ было бы и заведеніе *каѳедральныхъ штатовъ.* Учредивъ въ каждой епархіи по двѣнадцати напр. протоіереевъ съ православными крестами (наперстными), которые бы жаловались только Высочайше, назначивъ для нихъ пенсіонъ, тогда бѣлое уніатское духовенство можно было бы совсѣмъ отстранить отъ римскаго; гордясь Высокомонаршими милостями, оно всѣ усилія свои положило бы для службы своей родной церкви. Въ заключеніи всеподданнѣйшей записки Сѣмашко указывалъ на то, что въ исполненіи всѣхъ этихъ мѣръ не должно особенно полагаться на епархіальныхъ архіереевъ: они всѣ безъ исключенія или по происхожденію, или по духу—католики. Поэтому слѣдуетъ разъяснить все по-

[1]) Для достиженія этой мѣры Сѣмашко предлагалъ слѣдующую распланировку уніатскихъ епархій. Виленскую епархію, въ которой уніатовъ почти совсѣмъ не имѣлось, слѣдовало бы закрыть, присоединивъ ее къ Брестской. Отъ этой послѣдней отдѣлить церкви минской губерніи и присоединить ихъ къ луцкой епархіи, овручскій монастырь былъ бы сосредоточіемъ этой епархіи и слѣдовательно выгоднѣйшею каѳедральною церковію. Далѣе, курляндскую и часть минской губерніи присоединить къ полоцкой епархіи.

[2]) Исключая супрасльскаго, учрежденнаго во время прусскаго правительства.

дробными правилами, которыя мѣшали бы уклоненіямъ, и приведеніе въ исполненіе этихъ мѣръ возложить подъ строгою отвѣтственностію на всю уніатскую администрацію... Изложенныя въ означенной запискѣ Іосифа указанія и планы послужили на все послѣдующее время кореннымъ основаніемъ всего уніатскаго дѣла. „Правительство. пишетъ Іосифъ. всегда возвращалось къ симъ основаніямъ. послѣ бывшихъ нѣкоторыхъ попытокъ избрать другой путь, по постороннимъ внушеніямъ" (т. I, стр. 41. 45). Государь Императоръ Николай Павловичъ. „съ особеннымъ удовольствіемъ" читавшій эту записку. бесѣдуя въ частной аудіенціи чрезъ два года послѣ этого съ Іосифомъ. тогда уже посвященнымъ въ епископы, излагалъ положеніе уніатской церкви въ этой бесѣдѣ и свое намѣреніе объ улучшеніи этого положенія почти буквально словами записки Іосифа (ibid.). Слѣдуя указаніямъ Сѣмашки. изложеннымъ въ сейчасъ приведенной нами запискѣ, правительство горячо взялось за дѣло возсоединенія уніатовъ. Теперь первою заботою высшаго правительства было, какъ мы уже замѣтили, прежде всего изъять уніатовъ изъ подъ власти римлянъ, разорвать слишкомъ тѣсную связь. возникшую между первыми и послѣдними, дать уніатамъ нѣкоторую самостоятельность и особое направленіе; ввести воспитаніе духовенства, способное возродить понятія и убѣжденія. свойственныя восточной ихъ церкви. Мѣстные дѣятели въ Литовско-уніатскомъ краѣ во главѣ съ Іосифомъ и подъ его непосредственнымъ руководствомъ и содѣйствіемъ всемѣрно подготовляли почву для благопріятнаго развитія правительственныхъ мѣропріятій въ означенномъ направленіи. а равно и содѣйствовали фактическому осуществленію этихъ мѣропріятій. Неустанный дѣятель на пользу православія, Сѣмашко шелъ всегда во главѣ всѣхъ твердою ногою и въ столицѣ и дома въ Литвѣ къ предположенной цѣли. не останавливаясь ни предъ какими препятствіями на пути. Первымъ шагомъ къ возрожденію нѣкоторой самостоятельности въ уніатахъ было возникшее въ коллегіи дѣло относительно перешедшихъ въ началѣ настоящаго столѣтія въ латинство уніатовъ. Возбужденное настойчивостію Сѣмашки, дѣло это, разрѣшавшееся въ особыхъ коммисіяхъ, хотя не имѣло надлежащаго исхода и не привело къ желаемымъ результатамъ. тѣмъ не менѣе сильно уже на первыхъ порахъ

нарушило общность интересовъ уніатовъ съ римлянами. Благодаря уже самой постановкѣ на очередь этого дѣла уніатское духовенство увидѣло возможность бороться съ латинянами и защищать отъ нихъ свои паствы, съ другой стороны духовенство латинское въ опасеніи потерять пріобрѣтенное менѣе стремилось къ прозелитизму, менѣе интересовалось послѣдовавшими преобразованіями по уніатскому вѣдомству. „Дѣло это, пишетъ Іосифъ, произвело охлажденіе и нѣкотораго рода разрывъ между уніатами и римлянами" (стр. 56; ч. I). Но это былъ такъ-сказать незначительный начальный шагъ, только лишь возбудившій дѣятельнаго Іосифа къ дальнѣйшимъ мѣропріятіямъ. Одобряемый Высочайшимъ вниманіемъ къ своимъ планамъ и дѣятельности, молодой защитникъ унитовъ въ генварѣ 1828 г., выдвинулъ на очередь для рѣшенія въ коллегіи новое дѣло объ упраздненіи базиліанскихъ излишнихъ монастырей въ уніатскомъ краѣ. Въ апрѣлѣ того же года въ коллегіи было доложено министромъ Шишковымъ, „что Его Императорское Величество, разсмотрѣвъ представленіе греко-уніатскаго департамента римско-католической коллегіи отъ 17 января и нѣкоторыя предположенія его министра о мѣрахъ для лучшаго устройства въ управленіи церквей сего вѣроисповѣданія и для доставленія новыхъ средствъ приличнаго воспитанія духовному оныхъ юношеству, и одобря оныя вообще, въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 22-го тогожъ апрѣля... Высочайше повелѣлъ главнѣйшія изъ нихъ немедленно привести въ исполненіе", Сообщеніемъ сейчасъ приведеннаго Высочайшаго повелѣнія заканчивается дѣятельность адмирала Шишкова въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Почти наканунѣ увольненія Шишкова отъ занимаемой имъ должности Іосифу удалось чрезъ его посредство исходатайствовать Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы „выборъ новыхъ засѣдателей во второй департаментъ римско-католической духовной коллегіи отложить впредь до повелѣнія". Это ходатайство внушено было рьяному ревнителю уніатскаго дѣла чувствомъ опасенія, чтобы при наступавшемъ тогда новомъ трехлѣтіи преосвященные не прислали новыхъ засѣдателей по своему образу мыслей, въ большинствѣ случаевъ симпатизировавшихъ кстати сказать идеямъ католическаго запада. Вслѣдъ за увольненіемъ адмирала

Шишкова отъ занимаемой имъ должности на его мѣсто въ качествѣ главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій былъ назначенъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія Блудовъ, бывшій тогда въ статсъ-секретарскомъ чинѣ. Такъ какъ новый главноуправляющій дѣлами иностранныхъ исповѣданій Блудовъ на первыхъ порахъ его дѣятельности „имѣлъ малое понятіе о дѣлахъ уніатскихъ и римско-католическихъ, преимущественно въ ихъ мѣстныхъ оттѣнкахъ и подробностяхъ (57 стр. I т.) и въ своей дѣятельности долженъ былъ блуждать и теряться“, то понятно, что съ его назначеніемъ труды Сѣмашки должны были увеличиться въ весьма значительной степени „Я въ жизни своей, пишетъ Іосифъ, не помню времени, въ которое имѣлъ бы болѣе трудовъ и хлопотъ“ (58 стр. I т.). И дѣйствительно мы видимъ, что въ первые два года управленія Блудова дѣлами иностранныхъ исповѣданій Іосифъ остается почти единственнымъ активнымъ дѣятелемъ въ коллегіи. Онъ составляетъ постоянно проэкты правительственныхъ и даже важнѣйшихъ коллегіальныхъ распоряженій по вопросу объ унитахъ, пишетъ множество записокъ для убѣжденій въ основательности сихъ проэктовъ, рѣшительно настаиваетъ на необходимости принятія тѣхъ или другихъ мѣръ и пр. и пр. (прилож. № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10). И вотъ благодаря энергической настойчивой дѣятельности Іосифа задача освобожденія уніатовъ отъ слишкомъ тѣсной связи съ римскими католиками, разрѣшенію которой предался Іосифъ всѣми силами своего духа и на пути къ разрѣшенію которой уже были сдѣланы первые значительные шаги въ періодъ министерской дѣятельности Шишкова, и теперь не только не заглохла, но даже получила болѣе прямой и опредѣленный характеръ. Въ то время едва ли не самымъ главнымъ препятствіемъ къ болѣе или менѣе быстрому разобщенію уніатовъ съ римскими католиками служило то обстоятельство, что дѣла относящіяся до греко-уніатскаго исповѣданія восходили для своего рѣшенія не въ какое-либо особое учрежденіе, а рѣшались въ одной и той же римско-католической коллегіи подъ руководствомъ одного общаго прокурора-католика. Это обстоятельство нерѣдко вело къ весьма немаловажнымъ затрудненіямъ въ рѣшеніи уніатскихъ дѣлъ (см. 56 стр.). Вскорѣ послѣ вступленія въ управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій Блудова

воспослѣдовалъ Высочайшій указъ отъ 28 апрѣля 1828 г., по которому учреждалось для уніатскихъ дѣлъ въ Россіи независимо отъ римско-католической грекоуніатская духовная коллегія, съ новымъ штатомъ, для помѣщенія которой приказано было купить даже особый домъ (№ 11-й прил.). Вмѣстѣ съ этимъ уніатскія церкви вмѣсто четырехъ епархіи были распредѣлены на двѣ, бѣлорусскую и литовскую, и для каждой указано было быть консисторіи, семинаріямъ, а въ Полоцкѣ — духовной академіи, учрежденіе которой осталось лишь въ проэктѣ; при обоихъ каѳедральныхъ соборахъ назначено по 6 старшихъ и 12-ти младшихъ протоіереевъ, украшенныхъ наперстными крестами и обезпеченныхъ пенсіею; базиліанскіе монастыри и монашество подчинены епархіальнымъ начальствамъ и консисторіямъ; указаны фундуши, отъ которыхъ слѣдовало получать содержаніе всѣмъ этимъ учрежденіямъ. Важность этого указа для уніатовъ видна само собою. Опредѣляя его значеніе, Іосифъ справедливо замѣчаетъ, что имъ произведена „была окончательная ломка стараго зданія и сооруженіе новаго". (60 стр.). И дѣйствительно—учрежденіе особой коллегіи по уніатскимъ дѣламъ окончательно изъяло унитовъ изъ подъ власти Рима, а упраздненіе двухъ епархій дало возможность замѣстить надежными лицами два остальныя епархіальныя начальства, находящіяся въ мѣстностяхъ, менѣе подверженныхъ вліянію римлянъ. Учрежденіе семинарій и училищъ давало средства образовать духовное юношество сообразно цѣли. Назначеніе соборныхъ протоіереевъ открыло возможность поощрять духовныхъ, усердствующихъ на добромъ пути. Подчиненіе монастырей епархіальнымъ начальствамъ дѣлало безвредными переродившееся въ римлянъ уніатское монашество и дало возможность употреблять съ пользою, какъ монашествующихъ такъ и монастырскія средства. Вслѣдъ за этими весьма важными первыми правительственными распоряженіями, послѣдовавшими въ первые годы управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій Блудова, не замедлило воспослѣдовать прежде всего ихъ приведеніе въ исполненіе, а затѣмъ и рядъ важнѣйшихъ распоряженій съ цѣлію постепеннаго преобразованія уніатской церкви. Въ числѣ этихъ многочисленныхъ распоряженій особенную важность въ цѣляхъ обособленія уніатской церкви имѣли —а) учрежденіе трехъ администраціонныхъ коммиссій для управленія общими имѣніями

и капиталомъ грекоуніатскаго духовнаго вѣдомства, б) воспрещеніе принимать въ уніатское монашество лицъ римско-католическаго исповѣданія в) монахамъ уніатскимъ изъ латинянъ предоставлено на волю возвращаться въ римское исповѣданіе (чѣмъ и воспользовались болѣе 50 монаховъ) г) положено, чтобы десятина, собираемая въ пользу латинскаго духовенства отъ грекоуніатскаго народа, обращалась для уніатскаго духовенства д) воспрещено отправлять уніатскихъ воспитанниковъ въ бывшую при Виленскомъ университетѣ главную семинарію. е) запрещено печатаніе уніатскихъ богослужебныхъ книгъ безъ разрѣшенія коллегіи, ж) запрещено опредѣлять уніатскихъ священниковъ къ латинскимъ костеламъ въ званіи викарныхъ или подъ другими наименованіями. Изложенный рядъ правительственныхъ распоряженій, коими имѣлось въ виду въ большей или меньшей степени обособить грекоуніатскую церковь отъ вліянія католическаго запада, приводился въ исполненіе быстро и дѣятельно. Изъ документовъ и записокъ Іосифа видно, что изъ числа означенныхъ распоряженій правительства не приведено только то, что было свыше силъ и что по своему существу и даже по правительственнымъ предположеніямъ предоставлялось времени (63 стр.). Самая же инипіатива возбужденія сейчасъ приведенныхъ правительственныхъ распоряженій въ большинствѣ случаевъ принадлежала дѣятельному Іосифу, которому нерѣдко приходилось вступать въ упорную борьбу съ членами коллегіи, настойчиво отстаивать свои мнѣнія.

Въ этотъ періодъ времени Іосифъ является предъ нами почти абсолютно единственнымъ активнымъ дѣятелемъ въ греко-уніатской коллегіи. Митрополитъ Булгакъ былъ уже 70 лѣтъ, а архіепископъ Красовскій умеръ. Энергичную дѣятельность Іосифа не могло не замѣтить высшее правительство, которое поспѣшило выдвинуть на видъ неутомимаго труженика греко-уніатской коллегіи. „Не только съ тою цѣлію, чтобы доставить надежнаго дѣятеля на пользу православной церкви, но и чтобы обезпечить необходимыя потребности уніатовъ въ Россіи“ при тогдашнемъ положеніи уніатскихъ епископовъ, какъ пишетъ о себѣ Сѣмашко, онъ былъ возведенъ въ санъ епископа. 21 апрѣля 1829 года послѣдовалъ Высочайшій указъ „о бытіи Сѣмашки викарнымъ епископомъ и предсѣдателемъ консисторіи бѣлорусской греко-

уніатской епархіи, съ наименованіемъ епископа мстиславскаго и дабы присутствовать ему въ коллегіи, когда будетъ находиться въ Петербургѣ". Съ момента посвященія Іосифа въ санъ епископа открылся болѣе широкій просторъ для его дѣятельности, какъ на мѣстѣ его епископскаго служенія въ епархіи, такъ и въ Петербургѣ въ качествѣ присутствующаго въ коллегіи. Изображенію мѣстной дѣятельности Іосифа мы посвящаемъ особый очеркъ: теперь же продолжимъ описаніе дѣятельности Іосифа по уніатскому дѣлу, поскольку она проявлялась имъ въ Петербургѣ. Правда, на первыхъ порахъ своего епископства ревностный святитель униатовъ не могъ многаго сдѣлать на пути осуществленія своихъ завѣтныхъ цѣлей. Вспыхнувшій почти при самомъ началѣ епископской дѣятельности Іосифа польскій мятежъ на время заставилъ правительство какъ бы отодвинуть на заднія планъ заботы о потребностяхъ уніатской церкви. Плодомъ его усиленной заботливости и хлопотъ за это время явилось нѣсколько не лишенныхъ важности правительственныхъ распоряженій, имѣвшихъ значеніе для обособленія уніатской церкви. Въ числѣ ихъ прежде всего заслуживаютъ вниманія: а) воспрещеніе имѣть въ римско-католическихъ монастыряхъ служителей православнаго и уніатскаго исповѣданія: б) закрытіе свѣтскихъ училищъ, содержимыхъ базиліанами въ губерніяхъ кіевской, волынской и подольской: в) предписаніе, чтобы въ западныхъ губерніяхъ по иновѣрному вѣдомству члены въ консисторіи и священники къ приходамъ назначались не иначе какъ по сношеніи съ начальниками губерніи: г) принятіе особыхъ мѣръ къ отвращенію самовольныхъ отлучекъ бѣлаго и монашествующаго духовенства. Къ тому же, пользуясь замѣшательствомъ польскаго мятежа, находились недоброжелатели уніатскому дѣлу, „которые готовы были жертвовать всѣмъ, чтобы оное уронить, или по крайней мѣрѣ остановить". Къ этому присоединилось еще и то обстоятельство, что Блудовъ, только что было освоившійся съ положеніемъ уніатскаго дѣла, сдѣланъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, такъ что уніатскія дѣла оставались только ничтожною частію его занятій. Не смотря на всѣ эти столь неблагопріятныя обстоятельства, ревностный святитель не угасилъ одушевлявшаго его пламени ни на одну минуту. Онъ и въ это столь неблагопріятное для его дѣятельности время неуклонно идетъ по

пути еще прежде ясно поставленной имъ задачи окончательнаго отторженія уніатской церкви отъ всякаго общенія и связи съ римско-католическою церковію и утвержденію по возможности прочной внутренней организаціи въ средѣ первой. Одновременно съ этими распоряженіями уніатскій епископъ усиленно хлопочетъ и о томъ, чтобы разъяснить дальнѣйшіе виды правительства относительно уніатскаго дѣла и въ видахъ опасенія за будущность этого начинавшаго колебаться дѣла ходатайствуетъ о подчиненіи греко-уніатской коллегіи Святѣйшему Синоду. Онъ даже самъ лично рѣшился присоединиться къ православной церкви. При столь настойчивой заботливости со стороны ревностнаго епископа уніатскому дѣлу не суждено было быть заброшеннымъ. Послѣ почти трехлѣтняго затишья, господствовавшаго во время начала польскаго мятежа, оно вновь воскресаетъ и быстро приходитъ въ движеніе. 2 апрѣля 1833 г. Сѣмашко Высочайше назначенъ былъ литовскимъ епархіальнымъ епископомъ съ оставленіемъ и членомъ греко-уніатской коллегіи. Одновременно съ этимъ его назначеніемъ состоялись важныя законодательныя мѣропріятія относительно уніатовъ, коими навсегда порывались и самыя послѣднія нити зависимости уніатовъ отъ латинянъ. Такъ теперь окончательно было отмѣнено относительно уніатовъ латинское право ктиторства, по которому предоставлялось помѣщикамъ представлять въ своихъ имѣніяхъ кандидата на открывающіяся вакансіи приходскихъ священниковъ. Такъ какъ помѣщики почти безъ исключенія были римско-католическаго исповѣданія, то это право оставалось при тогдашнемъ положеніи уніатскаго дѣла излишнимъ. Вслѣдъ за этимъ распоряженіемъ относительно бѣлаго уніатскаго духовенства сдѣлано было не менѣе важное распоряженіе и относительно духовенства монашествующаго. Въ отношеніи этого послѣдняго дозволеніе базиліанамъ, происходящимъ изъ латинянъ, возвращаться въ латинство, ограничено шестимѣсячнымъ срокомъ и тѣмъ ускорено по возможности очищеніе монашества отъ вредныхъ элементовъ и предотвращено въ ономъ колебаніе на будущее время. Равнымъ образомъ теперь положено было приступить къ окончательному упраздненію базиліанскихъ монастырей по еще давно состоявшемуся постановленію коллегіи. Но самое важное правительственное распоряженіе относительно уніатовъ воспослѣ-

довало въ это время вслѣдъ за первою поѣздкою Іосифа для обозрѣнія новой ввѣренной ему литовской епархіи съ ея духовно-учебными заведеніями. Послѣ этой поѣздки литовскій епископъ окончательно убѣдился въ необходимости оградить уніатовъ противъ отпаденія въ латинство, сдѣлавшихся весьма склонными къ послѣднему вслѣдствіе фанатическихъ дѣйствій православнаго духовенства (78 стр.), и обезпечить болѣе безпрепятственное присоединеніе ихъ къ православію. Для той и другой цѣли проницательному взгляду литовскаго епископа представлялось необходимымъ прочно установить и обезпечить существованіе уніатской іерархической власти, такъ какъ самъ онъ являлся едва ли не единственнымъ представителемъ этой власти. По энергическому его настоянію въ декабрѣ 1833 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о бытіи двумъ викарнымъ епископамъ въ литовской епархіи (архимандриту и члену греко-уніатской коллегіи Іосафату Жарскому и ректору литовской семинаріи протоіерею Антонію Зубко) и одному (предсѣдателю бѣлорусской консисторіи протоіерею Василію Пужинскому) въ епархіи бѣлорусской. Такимъ образомъ съ этимъ назначеніемъ новыхъ іерархическихъ лицъ для уніатской церкви твердо упрочивалась самостоятельность уніатской іерархіи, что естественно давало больше средствъ держать въ лонѣ уніатской церкви многочисленныхъ чадъ послѣдней, кои отовсюду захватывались обширными сѣтями католической пропаганды. Впрочемъ дѣятельность этой послѣдней и вообще всѣ отношенія и пружины, связывавшія уніатскую церковь съ католическою, теперь благодаря заботамъ и хлопотамъ рьянаго дѣятеля уніатовъ и цѣлому ряду изложенныхъ нами правительственныхъ распоряженій, вызванныхъ этими хлопотами, были порваны если не окончательно, то въ самыхъ своихъ основаніяхъ. Теперь уніаты послѣ не маловременной тяжелой зависимости отъ католиковъ впервые могли вздохнуть спокойно и имъ впервые открылась возможность безпрепятственной организаціи ихъ церковно-общественной жизни. Рьяный радѣтель уніатовъ—Сѣмашко съ самыхъ первыхъ минутъ своей общественной дѣятельности не покидалъ ни на минуту мысли относительно прочной внутренней организаціи родной церкви. Онъ неустанно заботился и хлопоталъ предъ правительствомъ о всевозможныхъ нуждахъ уніатовъ. Благодаря его настоянію и за-

ботливости видимъ мы, что одновременно и параллельно съ развитіемъ правительственныхъ мѣропріятій относительно обособленія уніатской церкви отъ католической, развивался рядъ правительственныхъ распоряженій, направленныхъ ко всесторонней организаціи внутренняго строя въ средѣ уніатской церкви. Эта организація въ первые моменты дѣятельности Сѣмашки (тогда бывшаго еще протоіереемъ) началась съ приведенія въ порядокъ административныхъ органовъ уніатской церкви. Съ цѣлью избѣжанія разнаго рода злоупотребленій со стороны католиковъ повелѣно было остановить избраніе новыхъ членовъ консисторій, и вмѣстѣ съ этимъ былъ измѣненъ и самый порядокъ избранія членовъ въ консисторіи съ тою особенно цѣлію, чтобы ихъ опредѣлять не на три года, какъ было прежде, и не по одному только усмотрѣнію преосвященнаго (прил. № 12). Какъ нововведеніе въ администрацію литовской церкви теперь назначены были въ консисторіи члены отъ монашества, на первый разъ провинціалы и составлена для нихъ инструкція (прил. № 13, стр. 61). Всѣми этими измѣненіями и нововведеніями въ административный строй уніатской церкви значительно, что легко замѣтить, сравнительно съ прежнимъ упрочивалась самостоятельность послѣдней. Но еще гораздо болѣе важное значеніе для послѣдней цѣли имѣли годы правительственнаго мѣропріятія первыхъ лѣтъ петербургской дѣятельности Сѣмашки, направленныя къ цѣлямъ обученія уніатскаго духовнаго юношества. Въ первые же годы дѣятельности Сѣмашкою учреждена и открыта въ Жировицахъ литовская семинарія при существовавшей уже прежде въ Полоцкѣ бѣлорусской семинаріи. Ректоромъ новооткрытой семинаріи былъ назначенъ протоіерей Антоній Зубко, который былъ снабженъ особою инструкціею и отправленъ изъ Петербурга въ Жировицы. Вмѣстѣ съ этимъ для руководства уніатскихъ академій, семинарій и низшихъ училищъ, приняты уставы, существовавшіе для подобныхъ заведеній господствующей православной церкви, сообразно которымъ преобразовано ученіе въ полоцкой семинаріи и заведено въ литовской. При этомъ уніатское духовенство всемѣрно поощрялось къ отдачѣ своихъ дѣтей въ духовныя училища, а коммиссіею духовныхъ училищъ въ Петербургѣ подарено было уніатскимъ училищамъ болѣе тысячи экземпляровъ учебныхъ и другихъ книгъ. За точнымъ приведеніемъ въ исполненіе всѣхъ

этихъ правительственныхъ распоряженій неутомимый Іосифъ повсюду наблюдалъ лично, послѣ того какъ посвященъ былъ въ санъ епископа и впервые обозрѣвалъ ввѣренную ему бѣлорусскую епархію. Онъ въ это время „неоднократно дѣлалъ поѣздки, чтобы видѣть монастыри, въ которыхъ предполагалось открыть духовныя училища“ (6[illegible] стр.). Послѣ этой первой поѣздки Іосифъ представилъ донесеніе въ греко-уніатскую коллегію о сдѣланныхъ имъ или требовавшихся еще распоряженіяхъ по семинаріямъ и училищамъ. Благодаря этому послѣднему донесенію для улучшенія состоянія полоцкой семинаріи и для заведенія въ ней академическихъ классовъ Высочайше назначено было 2[illegible]00 руб. ассигнаціями (стр. 7[illegible]). Заботы Іосифа относительно образованія уніатскаго духовнаго юношества не прекращались и послѣ того, какъ онъ сдѣланъ былъ литовскимъ епископомъ. Въ первые годы своего служенія здѣсь онъ исходатайствовалъ, чтобы имѣнія, предназначенныя на содержаніе полоцкой семинаріи и собора, отдѣлены были отъ имѣній архіерейскихъ и переданы въ вѣдѣніе правленія семинаріи, точно также поручены были вѣдѣнію правленія и имѣнія литовской семинаріи, управлявшіяся прежде администраціонною коммиссіею. По инииціативѣ Іосифа въ это же время учреждены были уѣздныя приходскія духовныя училища при пяти монастыряхъ и на нихъ же иждивеніи съ обязанностію содержать отъ 10 до 20 казенныхъ учениковъ. Къ бѣднѣйшимъ изъ сихъ монастырей причисляемы были имѣнія другихъ упраздняемыхъ монастырей. Такъ шло дѣло обособленія уніатской церкви отъ католической зависимости и упроченія твердой самостоятельности этой церкви въ первые годы епископскаго служенія Іосифа. Мы не перечисляемъ здѣсь цѣлаго ряда мелкихъ мѣръ, кои предпринимались Іосифомъ во время обозрѣнія ввѣренныхъ ему для управленія епархій съ цѣлію обезпеченія самостоятельности уніатской церкви, не указываемъ на множество отписокъ и проектовъ Іосифа съ мѣста этихъ обозрѣній, частію исполнившихся, частію оставшихся безъ выполненія, писанныхъ съ тою же цѣлію, потому что перечень ихъ нарушилъ бы цѣлостность взгляда на дѣятельность Іосифа по указанному вопросу. Для нашей цѣли общей характеристики дѣятельности Іосифа считаемъ вполнѣ достаточнымъ сказать, что безчисленнымъ множествомъ этихъ мелкихъ мѣръ и цѣлымъ ра-

домъ правительственныхъ распоряженій, выходившихъ, какъ мы уже замѣчали, по иниціативѣ Іосифа, прежде всего въ корнѣ порваны были всѣ отношенія, коими выражалась въ большей или меньшей мѣрѣ зависимость уніатовъ отъ римско-католической церкви, а съ другой стороны заботами правительства и непосредственныхъ дѣятелей объ образованіи уніатскаго духовнаго юношества и многими частными распоряженіями въ пользу уніатскаго духовенства клался краеугольный камень для прочнаго обоснованія самостоятельности уніатской церкви, вызывавшейся теперь къ новой жизни.

Изложенный нами рядъ правительственныхъ распоряженій въ пользу уніатовъ, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ и поставившихъ унитовъ на твердую самостоятельную почву въ теченіи всего какихъ-нибудь пяти или шести лѣтъ, естественно не могъ не озабочивать тѣхъ, для кого дорого было держать унитовъ въ латинской зависимости. Ревностному апостолу унитовъ Сѣмашкѣ въ первые же годы его дѣятельности пришлось бороться съ довольно упорною оппозиціею его дѣлу, прежде всего шедшею со стороны католическаго Рима.

„Монашество базиліанское, пишетъ Іосифъ, бывшее духомъ и составомъ римско-католическое, всемѣрно противилось возрожденію самостоятельности въ унитахъ“. Въ актахъ записокъ Іосифа мы находимъ нѣсколько бумагъ относящихся къ этому времени, изъ коихъ видимъ (№ 18), что онъ долженъ былъ писать „сильные и подробные отвѣты и опроверженія притязаній, получаемыхъ отъ римскаго двора по поводу правительственныхъ распоряженій относительно унитовъ“. Но не только католическій Римъ, что было вполнѣ естественно и понятно,—вступалъ въ антагонизмъ по поводу уніатскаго дѣла, быстрымъ развитіемъ этого дѣла не всегда были довольны, что требуетъ сказать справедливость, и православные, какъ свѣтскіе, такъ и духовные. Іосифъ часто долженъ былъ встрѣчать „холодность и щекотливость къ общественному европейскому мнѣнію“ состороны Блудова (73 стр.), когда послѣдній былъ въ качествѣ главноуправляющаго коллегіею. „Я видѣлъ вредъ, пишетъ Іосифъ о своей дѣятельности, отъ дѣйствія православнаго духовенства“ (78 стр). „Вражда и недоброжелательство моему дѣлу, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ, со стороны римлянъ и поля-

ковъ вовсе меня не удивляли—они были естественны. Но я ожидалъ болѣе справедливости со стороны православныхъ. Я посѣщалъ дружелюбно православныхъ преосвященныхъ; былъ съ ними откровененъ на счетъ цѣли и средствъ; исполнялъ по возможности ихъ желанія—а между тѣмъ не у всѣхъ ихъ заслужилъ расположеніе: иные хитрили и во зло употребляли мою довѣренность; иные награждали меня обидными подозрѣніями, такъ что преосвященный Смарагдъ (первый епископъ Полоцкій) явно говорилъ: Сѣмашко обманываетъ!“ (стр. 82). Но не смотря на столь дружное несочувствіе уніатскому дѣлу не только со стороны католиковъ, но и православныхъ, Іосифъ шелъ впередъ на пути къ предложенной цѣли быстрыми шагами. Сознавая, насколько утверждена была предшествовавшими законодательными распоряженіями правительства самостоятельность унитской церкви, онъ началъ постепенно подготовлять мѣры къ единенію унитовъ съ православными, какъ сверху изъ Петербурга, такъ и на мѣстѣ въ уніатскомъ краѣ, гдѣ путемъ неустанной живой дѣятельности проницательный апостолъ унитовъ сталъ постепенно проводить въ среду понятія и убѣжденія, свойственныя восточной церкви. Съ этою цѣлію, состоя еще въ санѣ протоіерея членомъ греко-уніатской коллегіи, Іосифъ перевелъ на польскій языкъ сочиненіе московскаго митрополита Филарета—„Разговоръ между испытующихъ и увѣреннымъ о православіи Греко-Россійскія восточныя церкви“, которое имѣло по отзыву самого переводчика „весьма большое значеніе для иновѣрцевъ и сильно вліяло на уніатское духовенство“ (стр. 65) [9]). Самою важною мѣрою для достиженія цѣли сближенія уніатовъ съ православною

---

[9]) „Достоинъ замѣчанія, пишетъ Іосифъ, *секретъ*, соблюденный относительно этого перевода. Онъ напечатанъ по моему указанію, подъ именемъ инспектора академіи, бывшаго послѣ знаменитаго херсонскаго архіепископа Иннокентія. Этотъ анонимъ утвердился вполнѣ, и преосвященный Иннокентій прослылъ знатокомъ польскаго языка. Въ коронаціонное время въ Москвѣ, 1856 г. самъ преосвященный Иннокентій говорилъ мнѣ серьезно о переводѣ разговоровъ, какъ о важнѣйшемъ дѣйствіи первоначальнаго своего служенія—и, можетъ быть только изъ моихъ настоящихъ записокъ откроется истина, если только запискамъ этимъ суждено попасть въ добрыя *благородныя* руки... Впрочемъ, добавляетъ смиренный переводчикъ—авторъ записокъ, не одно это мое дѣйствіе оставалось въ свое время въ невѣдѣніи, для лучшаго успѣха добраго дѣла—*выдвинутъ ли Господь Богъ и добрые люди изъ подъ спуда и мои добрыя дѣла?..* (*ibid*).

церковію послужило неоднократно высказываемое Іосифомъ желаніе подчиненія Греко-уніатской коллегіи Св. Синоду. (7.880 стр.). Этому желанію суждено было осуществиться вскорѣ послѣ посвященія Іосифа въ епископскій санъ, хотя и не вполнѣ. Въ 1835 г. открытъ былъ секретный комитетъ по уніатскихъ дѣламъ, и уніатскія духовныя училища подчинены были комиссіи духовныхъ училищъ, чѣмъ въ значительной мѣрѣ связаны дѣла уніатскія съ дѣлами православной церкви. Два года спустя послѣ этого въ 1837 г., вполнѣ осуществилось давнее завѣтное желаніе Іосифа: „дружное дѣйствованіе со стороны православной и уніатской обезпечилось одною властію" (84). Еще гораздо раньше этого времени, воспользовавшись присутствіемъ въ Петербургѣ всѣхъ уніатскихъ епископовъ, (бывшихъ на посвященіи викарныхъ епископовъ для литовской и бѣлорусской епархіи), Іосифъ исходатайствовалъ весьма важную для униатовъ мѣру: онъ испросилъ дозволеніе вмѣсто печатанія особаго служебника для уніатскихъ церквей принять для нихъ служебникъ и книгу молебныхъ пѣній, напечатанныя въ Московской синодальной типографіи. Вмѣстѣ съ этимъ ревностный поборникъ уніатскаго дѣла просилъ тогда же заняться устройствомъ иконостасовъ, утварей и священныхъ облаченій для правильнаго богослуженія и отпустить на сей предметъ по 5.000 т. руб. на каждую епархію для вспомоществованія бѣднѣйшимъ церквамъ (79 стр.). „Обѣ эти мѣры, пишетъ Іосифъ, какъ показали послѣдствія, послужили оселкомъ сближенія съ православною церковію" (80 стр.). Не менѣе важные шаги дѣятельности Іосифа на пути единенія уніатской церкви съ православною дѣлались имъ послѣ посвященія его въ епископскій санъ на мѣстахъ его архипастырскихъ служеній и преимущественно во время обозрѣнія имъ ввѣренныхъ его управленію епархій. Во время этихъ обозрѣній епископъ Іосифъ между прочими ставилъ для себя и ту цѣль, „дабы собрать матеріалы для вѣрнаго дѣйствованія къ преднамѣренной цѣли т.-е. цѣли соединенія униатовъ съ православными. Ознакомившись съ епархіею, очистивъ ее по мѣрѣ возможности отъ неблагонадежныхъ и недостойныхъ священниковъ, сдѣлавъ благоразумный разборъ между монашествующими своей епархіи, Іосифъ прежде всего принялся за обученіе „правильному богослуженію" подчиненное его пастырскому водительству духовенство.

Въ теченіи первыхъ шести лѣтъ архипастырской дѣятельности Іосифа въ жировицкомъ кафедральномъ соборѣ, обезпеченномъ съ самаго начала надежнымъ священствомъ, перебывало почти все духовенство Литовской епархіи съ цѣлію обученія богослуженію. Не довольствуясь этимъ, пастырь литовскій скоро учредилъ въ Жировицахъ комитетъ изъ шести надежныхъ духовныхъ сановниковъ, названныхъ экземенаторами. Къ ихъ обязанности относилось испытывать всѣхъ вызываемыхъ для сего священниковъ, а также готовящихся къ священству въ познаніяхъ, относящихся къ правильному восточному богослуженію. Впослѣдствіи дѣятельность этого комитета распространена была и на причетниковъ (№ 77). Благодаря такой мѣрѣ—а относительно трудности ея излишне даже и говорить—чрезъ шесть лѣтъ дѣятельности Іосифа въ Литвѣ духовенство и паства литовской епархіи были готовы ко возсоединенію съ православною церковію. Заботясь объ обученіи духовенства обязанностямъ его сана, іерархъ литовскій вмѣстѣ съ тѣмъ заботился и объ устройствѣ церковнаго благочинія и благолѣпія. При началѣ управленія Іосифа Литовскою епархіею изъ 800 церквей ея только 80 были съ иконостасами; остальныя имѣли видъ латинскихъ костеловъ. Преобразованіе ихъ въ православныя церкви было и тягостно и непріятно, какъ для священства, такъ и для народа. А между тѣмъ мѣра эта была необходима: безъ нея не могло совершаться правильное богослуженіе. Что же мы видимъ? При неоднократныхъ матеріальныхъ субсидіяхъ правительства (98 стр.) въ нѣсколько лѣтъ служенія достохвальнаго іерарха уже всѣ церкви епархіи были снабжены иконостасами. Вмѣстѣ съ иконостасами устроивались и престолы по чину восточной церкви, вмѣсто большихъ у стѣнъ по латинскому обыкновенію. Упразднялись также латинскія исповѣдательницы и амвоны, выводились изъ употребленія маленькіе колокольчики, которыми звонили кстати и не кстати во время обѣдни по подражанію латинамъ. Церкви снабжались правильными крестами, дароносицами и другою утварью, а также апостолами и Евангеліями, а равно и священнослужительскія облаченія, измѣнившіяся уже по большей части въ латинскія, передѣлывались по образцу православныхъ. Даже трудное дѣло—введеніе въ употребленіе служебниковъ московской печати—Іосифу удалось совершить, какъ видимъ

изъ документовъ, сравнительно удачно и безпрепятственно, хотя правда не безъ просьбъ со стороны Іосифа у свѣтскаго начальника „распорядительныхъ мѣръ“ при введеніи по церквамъ литовской епархіи служебника московской печати (№ 87). Что же касается уніатскихъ служебниковъ, то они повсюду подвергались изъятію изъ употребленія. Столь же легко и безпрепятственно уничтожилъ Іосифъ вошедшіе вслѣдствіе сильнаго католическаго вліянія въ почти повсюдное употребленіе въ уніатской церкви органы при богослуженіи. Дѣйствуя въ своей епархіи не столько прямымъ путемъ оффиціальныхъ предписаній, сколько косвеннымъ путемъ внушеній, примѣромъ и силою личнаго нравственнаго вліянія, епископъ Іосифъ вводилъ въ ней многія и другія мѣры съ цѣлью сближенія униатскаго богослуженія съ восточно православнымъ. Такъ, (№ 76) устроивши повсюду множество новыхъ церквей, онъ препровождалъ на петербугскій монетный дворъ священную утварь старыхъ уніатскихъ церквей, устроенную по образцамъ и потребностямъ латинскимъ, а на вырученныя за нее по оцѣнкѣ деньги пріобрѣталъ утварь свойсвенную православной церкви и православному богослуженію. Нелишне отмѣтить здѣсь наконецъ и ту мѣру Іосифа, которая правда относится къ канцелярско-административной его дѣятельности, но которая краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о настойчивости стремленій іерарха къ сближенію двухъ церквей. Мы говоримъ о введеніи имъ съ самаго начала его епископской дѣятельности въ административную и частную переписку русскаго языка вмѣсто прежняго польскаго. Въ 1836 г. онъ ввелъ также въ своей литовской епархіи писаніе метрическихъ книгъ на русскомъ языкѣ вмѣсто польскаго. Такими мѣрами наружныхъ преобразованій приготовлены были униты къ религіозному единенію съ православною церковію.

Мы изобразили въ главнѣйшихъ чертахъ ходъ уніатскаго дѣла съ самаго его начала. Изъ представленнаго очерка нами видно, что дѣятели его во главѣ съ Іосифомъ Сѣмашкою шли шагъ за шагомъ по заранѣе намѣченной системѣ, по которой имѣлось въ виду первоначально отдѣлить постепенно уніатовъ отъ римлянъ и приблизить къ православнымъ, дѣйствовать на нихъ мѣрами внутренняго преобразованія и воспитаніемъ духовнаго юношества и такимъ образомъ перeродить ихъ нечувствительно въ ис-

тинныхъ чадъ грекороссійской церкви. Въ духѣ этой системы главное управленіе уніатами отдѣлено отъ управленія римскихъ католиковъ; дано другое благопріятнѣйшее образованіе уніатскимъ епархіямъ; учреждены уніатскія семинаріи и духовныя училища по правиламъ православныхъ духовныхъ училищъ; ослаблены между уніатами элементы, благопріятствовавшіе римлянамъ, и особенно почти уничтожено вліяніе главнаго римскаго орудія—базиліанскаго ордена; наконецъ изданъ цѣлый рядъ разныхъ распоряженій, приближавшихъ уніатовъ къ православнымъ по церковному управленію и чиноположенію. Но не останавливаясь только на достигнутыхъ уже цѣляхъ, апостолъ унитовъ имѣлъ „задушевною своею мыслію двинуть уніатское дѣло какъ можно ближе къ возсоединенію указаніемъ на готовность къ сему уніатскаго духовенства“ (ч. III стр. 100). Эта мысль казалась ему всесторонне осуществимою, особенно послѣ соединенія уніатскаго вѣдомства съ православнымъ въ лицѣ синодскаго оберъ, прокурора графа Протасова, человѣка, „съ полнымъ рвеніемъ принявшагося за уніатское дѣло и заботившагося о немъ всю жизнь свою“ (III ч. 180 стр.) Отдавшись всѣмъ существомъ своимъ этой мысли и нѣсколько разъ самъ лично выражая желаніе присоединиться къ православію, литовскій епископъ вскорѣ послѣ утвержденія графа Протасова въ должности оберъ-прокурора синода подалъ послѣднему докладную записку, прочитанную затѣмъ и Государемъ, въ которой и предлагалъ правительству избрать троякій путь присоединенія къ православной церкви полутора милліоновъ уніатовъ. Здѣсь Сѣмашко, хотя и заподозрѣвалъ „рѣшимость правительства на рѣзкія мѣры“, тѣмъ не менѣе прежде всего рекомендовалъ— „главнымъ распоряженіемъ объявить общее присоединеніе уніатовъ къ православной церкви“. Мало вѣруя преимущественно въ рѣшимость правительства, Іосифъ думалъ съ другой стороны, что къ цѣли возсоединенія уніатовъ съ православною церковію ведетъ начатое православнымъ духовенствомъ миссіонерское обращеніе уніатовъ. Наконецъ, по его мысли можно было подчинить уніатское духовенство, разбросанное по 10-ти губерніямъ, мѣстныхъ духовнымъ православнымъ начальствамъ, давая тѣмъ самымъ послѣднимъ вѣрный способъ наблюдать съ полнымъ успѣхомъ за всѣми состоящими въ ихъ кругу уніатами и обратить

послѣднихъ окончательно къ православію, смотря по удобству времени и мѣстныхъ обстоятельствъ. Не смотря на то, что послѣ этихъ предложеній Іосифа новому оберъ-прокурору синода „принято было продолжать прежнюю систему по уніатскому управленію“, на мѣстѣ архипастырской дѣятельности въ литовской епархіи дѣло по возсоединенію шло довольно успѣшно. Здѣсь Іосифъ въ концѣ 40хъ годовъ (37 г.) самъ лично убѣждалъ и принималъ подписки „о готовности присоединиться къ православной церкви“ благочинныхъ и другихъ начальствующихъ духовныхъ. Такихъ подписокъ, препровожденныхъ имъ къ оберъ-прокурору синода, по Литовской и Бѣлорусской епархіи было добыто 135 (114 въ Литвѣ и 21 въ Бѣлоруссіи). Въ послѣдующее время подобныя подписи уже легко брались отъ прочаго духовенства обѣихъ названныхъ епархій посредствомъ благочинныхъ и другихъ начальствующихъ.

Собирая отъ ввѣреннаго его управленію духовенства о намѣреніи послѣдняго присоединиться къ православію, Іосифъ въ то же время обратилъ зоркое вниманіе на священно- и церковнослужительскихъ уніатскихъ женъ, принадлежавшихъ во множествѣ къ римско-католическому исповѣданію. Онъ воспретилъ кандидатамъ во священство и на причетническія мѣста жениться на латинянкахъ и затѣмъ испросилъ Высочайшее повелѣніе на свободу такимъ женамъ и причетникамъ присоединяться изъ римскаго обряда въ уніатскій. Подготовляя пастырей къ единенію съ православной церковью, Іосифъ готовилъ одновременно съ этимъ и уніатскую паству мірянъ къ тому же. Послѣднимъ онъ воспретилъ приносить младенцевъ для крещенія къ римско-католическимъ ксендзамъ и записывать ихъ въ метрическія книги при латинскихъ ксендзахъ. Но самый смѣлый шагъ на пути къ сближенію съ православною церковію состоялъ въ томъ, что литовскій епископъ разрѣшилъ нѣсколькимъ православнымъ священникамъ служить въ уніатскихъ храмахъ. (III, т. 111 стр.). Рядъ всѣхъ этихъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны литовскаго епископа создалъ на пути къ его стремленіямъ неменѣе рѣшительную оппозицію—и прежде всего со стороны латинскаго духовенства, а по наущенію и ободренію послѣдняго и неблагонамѣренные или колеблющіеся духовные изъ уніатовъ тоже становились смѣлѣе и дерзновеннѣе. Латинское духовенство со-

вращало уніатовъ и келейно и даже устраиваемыми для сего миссіями. Оно строило своевольно церкви и часовни, гдѣ надѣялось повредить уніатамъ. Оно употребляло въ свою пользу и, часто удачно, отпущенныхъ къ нимъ базиліанъ, происходившихъ изъ латинянъ [10]). Къ тому же и православные дѣятели, даже самые видные изъ нихъ какъ графъ Протасовъ и состоявшій за оберъ-прокурорскимъ столомъ камергеръ Скрипицынъ „обнаруживали иногда вредныя несообразности“ [11]) (т. III, 115 стр. № 223). Но уніатское дѣло предшествовавшею дѣятельностію Іосифа и системой правительственныхъ мѣропріятій было подвинуто теперь уже настолько, что его не могла затушить никакая оппозиція.

Въ 1838 г. случилось происшествіе, двинувшее уніатское дѣло къ окончательной развязкѣ. Въ этомъ году въ одно почти время скончались митрополитъ Булгакъ на 80 году отъ роду и викарный епископъ литовскій Іосафатъ Жарскій. Перваго всѣ знали какъ твердаго латинянина, а послѣ смерти послѣдняго на столѣ у него найдена бумага, въ которой онъ объявляетъ себя непричастнымъ всѣмъ дѣйствіямъ по уніатской церкви“ (ч. III, 113 стр.). Такимъ образомъ само время устранило по уніатской іерархіи два бывшія препятствія дѣлу возсоединенія. Теперь остались одни надежные дѣятели, коимъ суждено было совершить это возсоединеніе. Этими дѣятелями были три епископа: Іосифъ Сѣмашко, Антоній Зубко и Василій Лужинскій. Первый изъ нихъ въ томъ же году по случаю кончины предсѣдателя греко-уніатской духовной коллегіи, митрополита Іосафата, былъ назначенъ на его мѣсто. Почувствовавъ себя главою уніатскаго дѣла, Сѣмашко сталъ настаивать на рѣшительномъ общемъ возсоединеніи уніатовъ. Въ декабрѣ того же 1838 г., новый предсѣдатель греко-уніатской коллегіи подалъ записку (№ 23) „о спо-

---

[10]) Оно иногда доходило до особенной дерзости. Такъ управлявшій Виленскою епархіею Миницкій письменно опубликовалъ выдуманное имъ Высочайшее повелѣніе, якобы совращеннымъ уніатамъ дозволено оставаться въ латинствѣ.

[11]) Скрипицынъ былъ командированъ въ западныя губерніи по Высочайшему повелѣнію съ цѣлью внушить благоразуміе въ отношеніи къ уніатамъ гражданскимъ и православнымъ епархіальнымъ начальствамъ. Но онъ самъ, какъ выражается Сѣмашко, «не слишкомъ былъ благоразуменъ и выбалтывалъ слишкомъ много не только чиновникамъ, но и латинскимъ помѣщикамъ».

собахъ порѣшить окончательно возсоединеніе уніатовъ съ православной церковью", гдѣ между прочимъ писалъ: „Плоды постоянныхъ усилій въ отношеніи приготовленія уніатовъ къ православію очевидны. Для вѣрнаго удостовѣренія объ образѣ мыслей греко-уніатскаго духовенства потребованы отъ онаго въ настоящемъ году собственноручныя объявленія о готовности присоединиться къ грекороссійской церкви и таковыя обязательства получены уже отъ 775 священниковъ литовской епархіи, да изъ остальныхъ 160 священниковъ только небольшое число полагается сомнительными. За симъ, если принять въ уваженіе таковую, почти общую готовность грекоуніатскаго духовенства присоединиться къ грекороссійской церкви, если сообразить, что остальные уніаты состоятъ изъ простаго народа, вовсе неспособнаго разбирать религіозныя мнѣнія и слѣдующаго страдательно своимъ пастырямъ: то необходимо согласиться, что между уніатскою и грекороссійскою церквами существуетъ уже дѣйствительно духовное единеніе. Сіе столь справедливо, что уніаты по большей части считаютъ уже себя православными, что римляне полагаютъ уніатовъ уже присоединившимися къ грекороссійской церкви, и что даже всѣ государства присоединеніе это считаютъ уже дѣломъ конченнымъ". Эта записка дѣйствительно побудила наконецъ правительство къ рѣшительнымъ окончательнымъ мѣрамъ по уніатскому дѣлу. 1839 годъ былъ замѣчательнымъ годомъ въ исторіи уніатскаго дѣла—то былъ достопамятный годъ возвращенія въ лоно православной восточной грекороссійской церкви милліоннаго уніатскаго населенія литовскаго края. Случилось это такимъ образомъ. Знаменитому дѣятелю, апостолу уніатовъ, литовскому епископу Іосифу Сѣмашкѣ, предрасположившему уже въ своей литовской епархіи уніатское населеніе къ союзу съ православною церковью, случайно объявлено было Высочайшее повелѣніе отправиться въ Полоцкъ. Цѣль этой поѣздки состояла въ томъ, чтобы разобрать и успокоить жалобы значительнаго числа уніатскаго духовенства на бѣлорусское епархіальное начальство. Отправляясь въ Полоцкъ, Сѣмашко захватилъ съ собою заранѣе заготовленный актъ о возсоединеніи уніатовъ и два прошенія о семъ государю Императору. Этотъ актъ и просьбы были подписаны здѣсь 12-го февраля въ недѣлю православія

сперва двадцатью четырьмя начальствующими духовными, последнія—только епископами. Возвратившись въ С.-Петербургъ и приведя дѣла въ порядокъ, Іосифъ препроводилъ къ оберъ-прокурору графу Протасову слѣдующее отношеніе отъ 26 февраля 1830 года.

„Слава въ вышнихъ Богу!, писалъ въ своемъ отношеніи литовскій святитель, благое дѣло довершается. Въ 12 день настоящаго февраля мѣсяца, въ недѣлю православія, подписанъ окончательно всѣми греко-уніатскими епископами и начальствующимъ духовенствомъ соборный актъ о воприсоединеніи уніатовъ къ православной греко-восточной каѳолической церкви. Въ сей день служилъ я торжественно въ полоцкомъ Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ и причастилъ лично какъ начальниковъ и воспитанниковъ семинаріи, такъ и довольно значительное число прихожанъ. Во время служенія вмѣсто папы поминалъ я: всѣхъ православныхъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Послѣ литургіи отслуженъ мною вмѣстѣ съ преосвященымъ Василіемъ и Антоніемъ благодарственный молебенъ о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всей Августѣйшей Фамиліи. Во время обѣда, на которомъ находились важнѣйшія духовныя и гражданскія лица, въ Полоцкѣ бывшія, послѣ тоста за здоровье всемилостивѣйшаго Государя, былъ кубокъ за благоденствіе и преуспѣяніе православной церкви. Для сохраненія на мѣстѣ оффиціальнаго слѣда о бытности въ то время въ городѣ Полоцкѣ всѣхъ трехъ греко-уніатскихъ епископовъ записано по журналу консисторіи и правленія семинаріи о посѣщеніи ими сихъ присутственныхъ мѣстъ“.

Вмѣстѣ съ этимъ отношеніемъ Іосифъ препровождалъ графу Протасову на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе и слѣдующіе документы: 1) „Соборный актъ о воспрісоединеніи уніатовъ къ православной греко-восточной каѳолической церкви, подписанный тремя епископами и прочими начальствующими лицами въ числѣ 24“; 2) всеподданнѣйшее прошеніе, подписанное тѣми же тремя греко-уніатскими епископами о томъ же предметѣ; 3) всеподданнѣйшее прошеніе объ оказаніи уніатамъ снисхожденія относительно нѣкоторыхъ обыкновеній, временемъ вкоренившихся, но единству церкви непротивныхъ; 4) именную роспись духовенства литовской епархіи, давшаго

собственноручныя объявленія о готовности присоединиться къ православной греко-россійской церкви, въ числѣ 938, а также самыя подлинныя объявленія; 5) именную роспись духовенства бѣлорусской епархіи, давшаго также собственноручныя объявленія о готовности присоединиться къ православной греко-россійской церкви, въ числѣ всего 367". Итакъ въ той и другой епархіи давшихъ письменныя обязательства присоединиться къ православной греко-россійской церкви было тысяча триста пять человѣкъ. До конца 1839 года Іосифомъ препровождено было разновременно еще до 100 таковыхъ подписокъ отъ духовныхъ, бывшихъ до того сомнительными (129 стр., III ч.). Изъ этихъ росписей усматривалось, что духовныхъ, необязавшихся еще присоединиться къ православной церкви состояло: а) по литовской епархіи—116 бѣлыхъ священниковъ и 95 монашествующей братіи; б) по бѣлорусской —305 бѣлыхъ священниковъ и 77 монашествующей братіи. Изъ нихъ по литовской епархіи считалось 59 безмѣстныхъ священниковъ, а остальные по большей части престарѣлые, которыхъ, какъ безмѣстныхъ, не признано нужнымъ тревожить требованіемъ подписокъ, такъ что, писалъ Семашко, едва ли останется и 20 священниковъ, коихъ настоитъ надобность или устранить, или пріобрѣсть для православной церкви". По бѣлорусской епархіи считалось безмѣстныхъ священниковъ 136, отъ которыхъ, какъ и отъ прочихъ необязавшихся присоединиться къ православной церкви, по большей части потребованы еще подписки; „и хотя по епархіи сей до полутораста священниковъ, писалъ Іосифъ, обнаруживавшихъ сопротивленіе въ дачѣ помянутыхъ подписокъ; но по всей вѣроятности, послѣ разстройства нынѣ бывшей интриги и высылки зачинщиковъ оной, весьма также малое окажется число дѣйствительно неблагонадежныхъ".

Въ первый день марта того же года послѣдовало Высочайшее повелѣніе Св. Синоду „положить сообразное съ правилами св. церкви постановленіе" по прошеніямъ уніатовъ. Постановленіе это сдѣлано Синодомъ въ 23 день того же марта, а въ 25 день, въ праздникъ Благовѣщенія Господня послѣдовало Высочайшее утвержденіе этого постановленія словами: *Благодарю Бога и принимаю.* Вслѣдъ затѣмъ Іосифъ былъ приглашенъ въ присутствіе Св. Синода въ мантіи и ему объявлено было означенное Высо-

чайшее постановленіе и чрезъ него преподана особая синодская грамата возсоединеннымъ епископамъ съ паствою. Вмѣстѣ съ этимъ Іосифу дано было братское лобзаніе отъ всѣхъ синодскихъ членовъ, въ сослуженіи съ которыми имъ отслужено было благодарственное молебствіе въ синодской церкви, послѣ котораго принесена была имъ архіерейская присяга, такъ какъ въ день возсоединенія онъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа. Въ память возсоединенія уніатовъ была выбита особая медаль, на одной сторонѣ которой былъ изображенъ восьмиконечный крестъ съ сіяніемъ и полукруглою подписью „торжество православія 25 марта 1839 года“, а на другой нерукотворенный образъ Христа съ таковою же полукруглою подписью словъ —„такова имамъ первосвященника“ Евр. VIII, 1, а внизу подъ чертою на этой сторонѣ медали были вычеканены слова „отторгнутые насиліемъ (1596) возсоединены любовію (1839)“. Такъ, благодаря энергической, неутомительной дѣятельности литовскаго іерарха свершилось радостное событіе возсоединенія уніатовъ „въ нераздѣльный, по выраженію тогдашняго оберъ-прокурора Синода графа Протасова, составъ церкви всероссійской“ (№ 30), событіе столь долго ожидаемое, столь тяжело добытое! Какъ бы утомившись подъ бременемъ тяжелаго непрерывнаго многолѣтняго труда, труда, который поглощалъ собою все существо его и простирался даже до безбоязненнаго желанія „собственною кровью искупить доброе святое дѣло“ (94 стр., ч. 2), маститый іерархъ тогда же припалъ къ стопамъ Монарха, прося его дозволить ему „прожить остатокъ дней своихъ частно по собственному избранію, но не въ монастырѣ“. Ничего недобивавшійся въ теченіе всей своей многотрудной жизни, онъ мечталъ послѣ великаго совершеннаго имъ подвига о довольно незавидномъ идеалѣ счастія. Сердечнымъ его желаніемъ было теперь „имѣть домикъ съ садикомъ, да комнатку съ книгами“.

Но и этому столь незавидному идеалу апостола-труженика не суждено было осуществиться. Судьбами Промысла ему предстояло еще трудиться многіе и многіе годы; предстояло еще устранить еще оставшіеся непріязненные возсоединенію элементы, утвердить это благое дѣло и какъ бы водворить его повсемѣстно взамѣнъ уніи. Быстро и круто поведенное благодаря пламенной неутомимой дѣятельности главнаго руководителя дѣло возсоединенія

уніатовъ съ православною церковью прививалось не вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ. Правда въ литовской епархіи, гдѣ Іосифъ самъ былъ строителемъ этого дѣла, возсоединеніе совершилось довольно легко и безпрепятственно. Но далеко не такъ было по другимъ епархіямъ. Особенно много безпокойства и заботъ доставляла правительству бѣлорусская епархія, что было вполнѣ естественно и понятно. При предшествовавшемъ возсоединенію распредѣленіи уніатовъ на двѣ епархіи къ бѣлорусской между прочимъ причислены были уніаты кіевской губерніи, а также житомірскаго и овручскаго уѣздовъ волынской губерніи. Этихъ отдаленныхъ уніатовъ начальство бѣлорусской епархіи оставило совершенно безъ вниманія и приготовленія до самаго возсоединенія. Тутъ тамошнее духовенство оказало рѣшительное неповиновеніе, тѣмъ болѣе тревожившее, что прихожане онаго, принадлежавшіе по большей части къ шляхтѣ (мелкопомѣстнымъ дворянамъ) приняли непосредственное участіе въ такомъ сопротивленіи. Да не совсѣмъ покойно было и внутри Бѣлоруссіи. Едва только окончилось трудное дѣло возсоединенія уніатовъ съ православною церковью, какъ Іосифъ вновь долженъ былъ по Высочайшему повелѣнію отправиться въ г. Полоцкъ для разслѣдованія дѣла объ интригѣ, породившей всеподданнѣйшую просьбу ста одиннадцати священниковъ бѣлорусской епархіи противъ возсоединенія.

Причина такого важнаго сопротивленія уніатскаго духовенства бѣлорусской епархіи лежала въ раздраженіи и даже ожесточеніи, произведенномъ между этимъ духовенствомъ тягостными послѣдствіями бывшей здѣсь прежде системы обращенія уніатовъ къ православію. Этимъ расположеніемъ умовъ старалась воспользоваться враждебная благому дѣлу польско-католическая партія. „Устраненіе преосвященнаго полоцкаго Смарагда, князя Хованскаго и губернатора Шредера,—писалъ Іосифъ въ своемъ отношеніи послѣ разслѣдованія означеннаго дѣла,—почитаемое здѣсь дѣломъ сей партіи, дало полную силу внушеніямъ оной, будто происходящія по греко-уніатской церкви преобразованія не одобряются самимъ духовнымъ оной начальствомъ и противны намѣреніямъ Государя Императора“ (№ 31). Слѣдователемъ употреблены были вполнѣ разумныя мѣры для разстройства этой партіи: нѣсколько зачинщиковъ размѣщены были въ разныхъ губерніяхъ Велико-

россіи, до 20 священниковъ выслано было въ литовскую епархію, объ остальныхъ приняты мѣры на мѣстѣ (ibid), такъ что постепенно все успокоилось „даже задорнѣйшіе, т.-е. высланные вдаль, по большей части вскорѣ покорились православію". Въ большинствѣ случаевъ почти точно такія же мѣры практиковались Іосифомъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда обнаруживалось болѣе или менѣе сильное открытое сопротивленіе дѣлу возсоединенія со стороны уніатскаго духовенства. Для неблагонадежныхъ уніатскихъ иноковъ учреждена была въ Курскѣ даже особая обитель, которая впрочемъ вскорѣ оказалась излишнею и потому была закрыта (129 стр.). Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что и вообще случаи открытаго протеста возсоединенію были довольно рѣдки, такъ что главный виновникъ возсоединенія во все послѣдующее время своей дѣятельности всегда былъ „невозмутимо покоенъ совершенною увѣренностію въ успѣхѣ" (132 стр.), а спокойная увѣренность его успокоивала и всѣхъ прочихъ. Несравненно больше хлопотъ и волненій доставило Іосифу самое утвержденіе и водвореніе благаго дѣла возсоединенія. Здѣсь прежде всего не обошлось безъ хлопотъ самое объявленіе синодальнаго указа и грамоты о возсоединеніи. Нужно было сообразоваться, гдѣ и когда умѣстно было сдѣлать это объявленіе. Затѣмъ нужно было наблюсти о поминовеніи во время богослуженія Св. Синода вмѣсто папы и объ исключеніи изъ символа вѣры католическаго слова *и Сына*. Зная, какъ трудно искореняются привычки всей жизни, Іосифъ лично самъ повсюду наблюдалъ за всѣмъ этимъ и кромѣ оффиціальныхъ распоряженій чрезъ консисторію дѣйствовалъ непосредственно на благочинныхъ и настоятелей монастырей частными запросами: поминается ли у нихъ уже Св. Синодъ вмѣсто папы и исключаются ли изъ символа слова „и Сына". Дабы возсоединенной съ православною церковью массѣ уніатскаго населенія не казался черезчуръ рѣзкимъ внезапный переходъ отъ обрядностей одного (уніатскаго) богослуженія къ другому (православному), предусмотрительные дѣятели уніатскаго дѣла положили заявить возсоединеніе уніатовъ совокупными въ разныхъ мѣстностяхъ служеніями древле-православнаго и возсоединеннаго духовенства. Первымъ такимъ служеніемъ было служеніе проѣзжавшаго въ

свою епархію митрополита кіевскаго Филарета съ епископами полоцкими, древле-православнымъ Исидоромъ и возсоединеннымъ Василіемъ, въ городѣ Витебскѣ въ одной изъ возсоединенныхъ церквей.

Вскорѣ послѣ этого и самъ преосвященный Іосифъ служилъ въ Полоцкѣ совокупно съ тѣми же епископами и въ Минскѣ съ тамошнимъ архіепископомъ Никаноромъ. Осенью того же1839 г. отслужено было нѣсколько въ высшей степени торжественныхъ совокупныхъ служеній уніатскаго и православнаго духовенства въ Жировицахъ и Вильнѣ. Послѣ такихъ первоначальныхъ успокоительныхъ мѣръ, принятыхъ въ первый годъ возсоединенія, приступлено было къ нѣкоторымъ и другимъ мѣрамъ въ духѣ церкви православной. Такъ теперь окончательно воспрещено было уніатамъ принимать при крещеніи имена латинской церкви, разрѣшено священникамъ древлеправославнымъ и возсоединеннымъ поручать другъ другу исправленіе духовныхъ требъ своимъ прихожанамъ, по мѣстному удобству. Въ то же время возсоединенному духовенству назначено было единовременное пособіе, которое и раздавалось въ количествѣ суммы отъ ста до трехъ сотъ рублей на священника ассигнаціями и оно снабжено было при этомъ безвозмездно Св. Синодомъ проскомидійными листами, царскою и патріаршею граматами, пространными катихизисами и исторіею россійской церкви [12]). Но самыя важнѣйшія мѣропріятія относительно упроченія православія въ возсоединенной уніатской церкви начались послѣ того, какъ окончилось въ 1840 году трудное дѣло взаимнаго перечисленія древлеправославныхъ и возсоединенныхъ приходовъ къ епархіямъ, въ предѣлахъ коихъ они дѣйствительно состояли. Прежде всего теперь для всѣхъ возсоединенныхъ церквей уніатскихъ Іосифъ испросилъ отъ Св. Синода общіе православной церкви антиминсы и богослужебныя книги, разослалъ ихъ въ каждую церковь, а старые уніатскіе предалъ сожженію, также въ первый разъ вытребовалъ для литовской епархіи св. муро, заготовлявшееся прежде на мѣстѣ въ каждой уніатской епархіи изъ Кіева. Въ то же

---

[12]) 134 стр.

время онъ настоялъ на распоряженіи, чтобы въ западныхъ губерніяхъ поученія и изъясненія катихизиса произносились на простомъ нарѣчіи и по его распоряженію переведенъ былъ на польскій языкъ православный пространный катихизисъ. Для духовенства своей литовской епархіи назначилъ общихъ духовниковъ и предписалъ избрать церковныхъ старостъ на общемъ основаніи. Свою заботливость о возсоединенномъ уніатскомъ духовенствѣ Іосифъ направилъ также и на то, чтобы это последнее даже и по наружности сдѣлалось православнымъ, такъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ весьма легко добился того, что возсоединенное духовенство стало отращивать бороды и носить костюмъ древлеправославнаго духовенства. Между уніатами не было въ употребленіи награждать духовенство камилавками и скуфьями, теперь Іосифомъ испрошено было разрѣшеніе за одинъ разъ отличить камилавками одиннадцать высшихъ духовныхъ сановниковъ въ чинѣ протоіерейскомъ и имѣвшихъ ордена. Тогда камилавки и скуфьи сдѣлались для всѣхъ лестною наградою.

Желая еще болѣе привязать возсоединенное духовенство къ своей паствѣ, предпріимчивый архипастырь постарался обезпечить его и въ матеріальномъ отношеніи. Онъ учредилъ для духовенства штаты, и исходатайствовалъ, чтобы казна взяла въ свое вѣдѣніе населенныя его имѣнія, давъ въ замѣнъ этого жалованье. Такъ составлены были штаты архіерейскіе, консисторскіе, монастырскіе и приходскіе. Этотъ трудъ стоилъ громадныхъ хлопотъ и усилій митрополиту. Населенныя имѣнія нужно было привести въ точную извѣстность, указать достоинство ихъ, оцѣнить доходность каждаго, показать пропорцію этого дохода къ дополнительной суммѣ, потребной изъ государственнаго казначейства; нужно было еще позаботиться, чтобы терявшіе имѣнія не были обижены и сверхъ штата получили личное справедливое вознагражденіе. Для особенно нуждавшихся священниковъ своей литовской епархіи Іосифъ испрашивалъ иногда временныя прибавки къ ихъ жалованью. Но мудрый архипастырь видѣлъ, что корни православія, насаждаемые имъ въ литовскомъ краю, вошли въ почву еще не достаточно глубоко. Очень могло статься, что возсоединенное духовенство, слабое духомъ, какъ всякій вообще новорожденный, послѣ его смерти отклонится

опять на старый путь. Іосифъ все это предвидѣлъ, и предвидя, стремился положить прочную основу плодамъ своей многолѣтней дѣятельности. Въ виду этого онъ обратилъ особенное вниманіе на будущихъ пастырей, на дѣтей духовенства. Такъ онъ открылъ въ своей епархіи школы, низшія и среднія, по образцу существовавшихъ въ имперіи, снабдивъ ихъ предварительно всѣмъ нужнымъ для образованія въ достаточной мѣрѣ. Онъ пріобрѣлъ просторные и свѣтлые корпуса для этихъ школъ, учредилъ казенный коштъ для бѣдныхъ воспитанниковъ; самъ лично избиралъ начальниковъ и учителей, являлся нечаянно на классы присутствовалъ на экзаменахъ, особенно выпускныхъ, и наблюдалъ строго за справедливостію посвидѣтельствованій. Тутъ же на экзаменахъ давалъ ученикамъ по достоинству каждаго открывавшіяся мѣста. Дурныхъ или неспособныхъ учениковъ, оказавшихся таковыми въ теченіе семинарскаго или училищнаго курса, безпощадно исключалъ и, своею неустанною заботливостію достигъ того, что вновь возникшія и имъ только-что устроенныя духовно-учебныя заведенія литовской епархіи явились наилучшими даже по сравненію въ Имперіи. Митрополитъ лелѣялъ въ себѣ надежду, и не безъ основанія, что заботы его не пропадутъ даромъ: затраченный трудъ и средства воздадутся сторицею. И дѣйствительно, молодое поколѣніе изъ духовенства, воспитанное въ духѣ и вѣрованіяхъ православія, имѣя постоянно на своихъ глазахъ высокій примѣръ пастырства въ лицѣ самого Іосифа, успокоило его многомятежный духъ. Владыкѣ еще при жизни своей пришлось пожинать посѣянные имъ плоды: его питомцы явились щитомъ, отъ котораго отскакивали католическія стрѣлы! Но учрежденіемъ этихъ школъ еще не кончились заботы митрополита о дѣтяхъ возсоединеннаго духовенства. Онъ давно уже хлопоталъ объ учрежденіи духовнаго женскаго училища для священнослужительскихъ дочерей „въ духѣ русскомъ, православномъ, такъ, какъ это сдѣлано для сыновей“. Несмотря на многія препятствія, какъ матеріальныя, такъ и другія, зависѣвшія отъ того времени, въ 1861 г. Іосифъ достигъ своего: въ Вильнѣ было открыто епархіальное женское училище, которое покойная Императрица взяла подъ свое непосредственное покровительство. Въ ознаменованіе столь радостнаго событ-

тія владыка пожертвовалъ 5 тыс. рубл. серебр. съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ обращаемы были во вѣчныя времена на приданое для воспитанницъ, оканчивающихъ ученіе. Учрежденіемъ этой школы митрополитъ несомнѣнно хотѣлъ дать молодымъ своимъ пастырямъ достойныхъ женъ и матерей, твердую опору для религiозной борьбы, сознательно понимающихъ интересы пастыря въ мятежномъ краю и умѣющихъ цѣнить и Русь, и православіе. Что дѣйствительно эти мотивы руководили митрополитомъ при учрежденіи женской духовной школы, а не общее стремленіе къ женскому образованію, поднявшееся въ Россіи въ началѣ 60-хъ годовъ, видно изъ его благодарственнаго письма къ Императрицѣ: „Позвольте принести еще разъ Вамъ, Всемилостивѣйшая Государыня, пишетъ здѣсь владыка, благодарность изъ глубины души, за принятое участіе къ воздвиженію сего *разсадника будущихъ добрыхъ женъ и матерей православнаго духовенства здѣшней стороны*. Это спасительное дѣло драгоцѣнно *не по одной прямой общественной пользѣ*. Оно отрадно совпаденіемъ съ настоящими плачевными событіями въ здѣшней странѣ. Когда въ ней мятутся страсти, возбужденныя чуждою народностію, чуждыми интересами, утѣшительно видѣть открытіе въ Вильнѣ заведенія, *имѣющаго цѣлью поддержаніе русскаго духа и православія*, свойственнаго, по преимуществу народонаселенію бывшаго литовскаго государства". т. I, стр. 245. Утвержденіе православія въ возсоединенномъ краѣ не ограничивалось одними только заботами о духовенствѣ; мудрый владыка, напротивъ, прилагалъ большое стараніе и къ самимъ пасомымъ; онъ желалъ, чтобы эти послѣдніе были бы въ дѣйствительности православными христіанами. Съ этою цѣлію онъ прежде всего позаботился объ народномъ образованіи въ своей литовской епархіи. Въ 1859 году Св. Синодъ издалъ указъ, которымъ духовенству Имперіи согласно съ 14 ст. устава духовныхъ консисторіи, предписывалось озаботиться заведеніемъ при церквахъ большаго числа училищъ, для обученія дѣтей поселянъ: чтенію, письму, молитвамъ и начаткамъ катихизиса. Такъ какъ источники на содержаніе этихъ школъ Св. Синодомъ указаны были возможные [14]), а не въ наличности имѣвшіеся, то вездѣ озна-

[14]) Самъ приходъ; а что касается жалованья учителямъ, то объ этомъ не было

ченное предписаніе прошло почти безслѣдно. Совсѣмъ иначе отозвался на него литовскій архипастырь. Понимая хорошо всю пользу этого синодальнаго предложенія для своихъ пасомыхъ, онъ горячо принялся за дѣло народнаго образованія. Такъ какъ заведеніе сельскихъ училищъ зависѣло всецѣло отъ охоты пастырей, Іосифъ всѣми мѣрами старался побудить ихъ къ скорѣйшему открытію школъ. Въ своемъ воззваніи къ духовенству отъ того же 59-го года владыка писалъ, что „польза для церкви и общества отъ этихъ школъ несомнѣнна", предѣлы же обученія, указанные Св. Синодомъ „скромные", этому способны обучать не только священники, но даже и церковнослужители. Что касается помѣщенія для школы, то можно найти у прихожанъ или у самаго причта удобную комнату. Средствами къ содержанію школъ указываетъ слѣдующіе источники: частицу отъ родителей обучаемыхъ мальчиковъ, частицу отъ церкви и причта и, наконецъ, побудить „доброжелателей" на пожертвованіе. Такъ трудно добытыя деньги совѣтуетъ расходовать съ крайнею бережливостію и экономіею. Что же касается вознагражденія учителямъ, то помимо указаннаго Синодомъ, обязываетъ благочинныхъ доносить ему—владыкѣ, гдѣ дѣло ведется правильно, очевидно для представленія къ духовнымъ наградамъ (т. II, прилож. къ V части №№ 59 и 60). Духовенство послушалось архипастыря, „приняло къ сердцу этотъ вызовъ" и въ первый же годъ открыло въ литовской епархіи 222 школы, въ которыхъ обучались крестьянскія дѣти даже обоего пола (т. I, стр 245). За такое „усердіе и за *добрый успѣхъ*" митрополитъ письменно помимо веляхъ еще вознагражденій благодарилъ всѣхъ духовныхъ, открывшихъ школы т. II, стр. 674, т. I, 247). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ, чтобы показать въ какомъ положеніи находилось дѣло народнаго образованія въ литовскомъ краѣ послѣ 60-го года, но смѣемъ думать, что владыка Іосифъ, такъ ревностно принявшійся за него вначалѣ, не оставлялъ его своимъ попеченіемъ и далѣе, потому что не въ характерѣ его было бросать разъ начатое дѣло.

и рѣчи, только въ поощреніе нѣкоторымъ учащимъ дозволялось выдавать денежное вознагражденіе изъ мѣстныхъ епархіальныхъ суммъ (опять возможныхъ только).

Помимо обученія въ школахъ, митрополитъ давно, еще за нѣсколько лѣтъ до открытія ихъ обязывалъ свое духовенство подъ строгою отвѣтственностію обучать *всѣхъ* православныхъ прихожанъ ежедневнымъ молитвамъ и при томъ на *славянскомъ языкѣ*. Каждый священникъ долженъ былъ внятно читать эти молитвы въ церкви, въ началѣ или послѣ каждаго богослуженія предъ народомъ, вмѣстѣ затверживать ихъ. Кромѣ того въ осеннее и зимнее время, когда крестьяне были болѣе свободны отъ своихъ занятій, причтъ долженъ былъ ходить и по деревнямъ, собравъ всѣхъ свободныхъ въ одинъ домъ—учить ихъ молитвамъ и заповѣдямъ (т. II, стр. 626). Узнавъ, что народные букварп въ литовскомъ краю по происками поляковъ стали печататься безъ *молитвъ*, и самое изданіе ихъ попало въ руки евреевъ, митрополитъ возсталъ противъ этого и обязалъ попечителя Виленскаго учебнаго округа печатать русскіе буквари съ молитвами, а прежде печатанія подвергать ихъ разсмотрѣнію православнаго духовнаго цензора. Такъ требовалось поступить потому, что польскіе буквари наоборотъ печатались съ молитвами, и въ нихъ даже былъ сохраненъ католическій катихизисъ. Очевидно хитрые поляки этимъ нововведеніемъ желали достичь сразу двухъ цѣлей: заставить русскихъ восполнить изученіе молитвъ изъ польскаго букваря, а вмѣстѣ съ этимъ несомнѣнно учиться и по польски (т. II, прил. къ V ч. № 50).

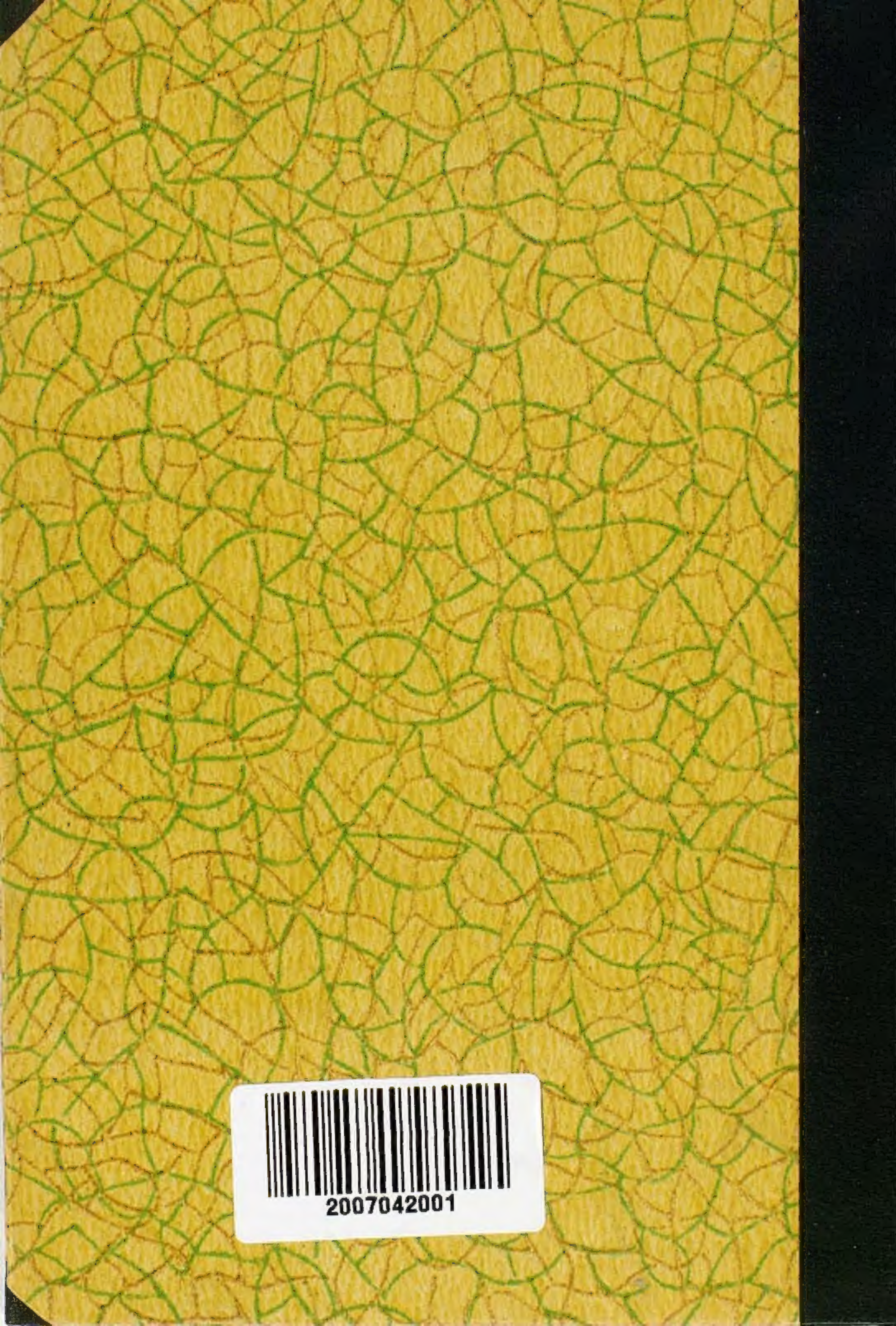
Прямымъ слѣдствіемъ этихъ, хотя и немногихъ, но существенныхъ мѣръ касательно распространенія образованія въ Литовскомъ краю въ „духѣ русскомъ и православномъ“ было уменьшеніе пьянства среди духовенства и крестьянъ. Прошелъ одинъ только годъ послѣ открытія сельскихъ училищъ и владыка къ немалому удовольствію своему узналъ (ему подана была статистическая вѣдомость, гдѣ значилось, что такой-то причтъ и прихожане дали взаимное обѣщаніе воздерживаться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ) „что нашлось *множество* добрыхъ пастырей, успѣвшихъ спасительными наставленіями и кроткими внушеніями *распространить и утвердить* благодѣтельную трезвость между своими прихожанами, несмотря на всѣ противодѣйствующіе элементы (т. II прилож. къ V ч. № 71). —Вотъ болѣе главныя мѣры, которыя предпринималъ митрополитъ Іосифъ Сѣ-

машко къ утвержденію православія среди возсоединенныхъ. Но не довольствуясь этимъ и какъ бы не вполнѣ полагаясь на себя, митрополитъ съ высочайшаго соизволенія неоднократно предпринимаетъ путешествія къ центрамъ русскаго православія— Москвѣ и Кіеву, и въ другія мѣста. Всюду наблюдалъ, сравнивалъ; входилъ въ разговоры съ архіереями и низшими членами духовенства, испрашивалъ ихъ помощи и совѣтовъ, приглашалъ къ себѣ въ Литовскій край умныхъ и свѣдущихъ людей—словомъ желалъ, чтобы его Литовская епархія была совершенно похожа на другія и ни въ чемъ бы отъ нихъ не отставала. Особенно же мудрый архипастырь дружился съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ. Ему онъ довѣрялъ даже свои сокровенныя мысли и думы, постоянно переписывался, выспрашивалъ, и все для пользы возсоединеннаго края. Московскій іерархъ высоко цѣнилъ литовскаго апостола и дѣйствовалъ на него успокоивающимъ образомъ, такъ какъ самъ признавался, что центральныя русскія епархіи далеко и не во всемъ еще могутъ быть образомъ для Литовской. Въ подтвержденіе этого любопытно привести слѣдующій эпизодъ изъ переписки митрополита Сѣмашки съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, показывающій, какъ отзывался московскій іерархъ о современныхъ ему монахахъ. „Въ бытность мою въ Москвѣ, пишетъ Сѣмашко, просилъ я митрополита Филарета о надѣленіи меня хорошими иноками. Не повѣрите, отвѣчалъ Филаретъ, какъ ихъ мало у меня. Голова трещитъ, когда приходится искать на открывающуюся вакансію. Я не довольствовался этимъ, просилъ письменно. Ровно чрезъ *пятнадцать лѣтъ* получаю отвѣтъ, что по смерти письмоводителя нашлось мое отношеніе не распечатаннымъ и *нужно ли удовлетвореніе*?!“ (т. I стр. 143—144).

Представленный очеркъ дѣятельности литовскаго апостола, митрополита Сѣмашки, далеко не исчерпываетъ собою всего того, что сдѣлано было Іосифомъ по возсоединенію уніатовъ. Онъ имѣетъ въ виду напомнить только на основаніи новаго источника нашей духовной публикѣ о той свѣтлой личности, которая стала забываться... Но дѣло возсоединенія уніатовъ съ его предваряющими и послѣдующими событіями, съ его главнымъ руководителемъ требуетъ не бѣгло составленной журналь-

ной статьи, а серьезнаго, тщательнаго и внимательнаго изученія. Оно представляетъ собою любопытное и крайне интересное явленіе въ Русской церкви. Послѣдняя до дней Сѣмашки во все время своего существованія только отбивалась такъ-сказать отъ католиковъ, какъ будто не смѣла глядѣть имъ прямо въ глаза. Сѣмашко же первый вывелъ ее изъ этого пассивнаго по отношенію къ католикамъ состоянія. Въ его лицѣ русское православіе еще въ первый разъ сошлось грудью съ римскимъ католичествомъ и одержало полный верхъ; такъ что нѣкоторые русскіе люди (правители) послѣ присоединенія уніатовъ думали, нельзя ли ужъ присоединить и католиковъ! Немалый интересъ для изученія представляетъ собою и личность самого митрополита Іосифа. Какъ бы мы ни судили о немъ, но свершенное имъ дѣло всегда будетъ свидѣтельствовать намъ о недюжинномъ его умѣ и высшей справедливости. Не должно забывать, что Римская церковь въ продолженіе двухъ столѣтій хлопотала съ уніатами. Въ это время она уже успѣла выработать систематическую программу, по которой уніаты незамѣтнымъ образомъ все болѣе и болѣе прилѣплялись къ ней. Въ это время она выпустила цѣлый легіонъ опытныхъ миссіонеровъ, которые искуснымъ образомъ подводили уніатовъ къ подданству Риму. Но Сѣмашко почти одинъ распуталъ всѣ эти католическія сѣти, высвободилъ изъ нихъ уніатовъ и передалъ ихъ *по праву* русской церкви, употребивъ на это только 20 лѣтъ! Пожалуй на это скажутъ, что Сѣмашко былъ поставленъ въ несравненно лучшія условія, чѣмъ католики: для своихъ дѣйствій онъ имѣлъ крѣпкую опору въ лицѣ русскаго правительства? Неправда; Сѣмашко напротивъ то и дѣло жалуется въ „своихъ запискахъ“ что лица имѣвшія тогда власть почти вовсе не оказывало ему помощи. Наконецъ литовскаго іерарха могутъ упрекать, въ чемъ нѣкогда и упрекали его—въ фанатизмѣ, въ слишкомъ жестокомъ отношеніи къ врагу. Дѣйствительно, особенною нѣжностію по отношенію къ католикамъ митрополитъ Іосифъ не обладалъ, да она и не требовалась: потому что католики въ продолженіе двухсотлѣтняго періода прибѣгали къ несравненно худшимъ мѣрамъ; поступки Сѣмашки совершенно блѣднѣютъ предъ ними. Да и гдѣ это проявленіе жестокости? Не въ гоненіяхъ ли на уніатскихъ монахинь и претерпѣнныхъ якобы мученіяхъ одною изъ нихъ (Ме-

числавскою)? Но по тщательномъ изслѣдованіи оказалось это самою гнусною клеветою, нашедшею себѣ пріютъ въ гуманныхъ тогдашнихъ французскихъ газетахъ. Поляки, не зная уже за что взяться, чтобы посрамить митрополита, отыскали какую-то латинянку распутнаго поведенія, которая никогда не была ни русской, ни уніатской монахиней, дали ей вымышленную фамилію (Мечиславская) и водили по всей Европѣ на показъ, какъ мученицу (т. I, стр. 185), претерпѣвшую за вѣру отъ Сѣмашки! Между тѣмъ всѣ заявленія о жестокостяхъ и фанатизмѣ Сѣмашки именно такого свойства и исходятъ исключительно изъ устъ польско-католической партіи. Изслѣдователь уніатскаго дѣла, если будетъ держаться подобныхъ источниковъ, какъ французскія газеты или книга „Римъ“ (вышедшая за границей въ 1853 г. и наполненная сплетнями противъ уніатовъ) потеряетъ очень многое: онъ не пойметъ личности митрополита Іосифа, а вмѣстѣ съ этимъ составитъ и ложный взглядъ на уніатское дѣло. Pellitur e medio sapientia, vi geritur res—вовсе неприложимо къ дѣяніямъ Сѣмашки.—86, I, 22.

2007042001